

Андрей Гросс

Андрей Гросс

Жена трех оборотней

«Литнет»

2024

Гросс А.

Жена трех оборотней / А. Гросс — «Литнет», 2024

Три красивых brutальных брата-затворника, две мрачные тайны и любопытная золотоволосая женщина, которая является ключом к разгадке их судьбы. Когда полуночный звонок приводит меня в таинственный дом в густом тёмном лесу, я нахожу за закрытой дверью запретную тайну, которая может стать ключом к моим самым тёмным желаниям. Но у внушительных, властных, красивых близнецов есть на меня более серьёзные планы и ещё более серьёзная тайна. ♥#СТРОГО 18+ ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО
Чтобы вернуть своего любимого, обычная девушка отправляется в опасное путешествие по другим мирам! Где её будут ждать неведомые опасности и очень пикантные приключения! ♥#Множество откровенных сцен. ♥#Очень! Ну очень горечно! ♥#Строго 18+ Оригинальный интересный сюжет! В этом романе кипят страсти, интриги. Непредсказуемый сюжет и неожиданный финал. Ну и любовь, конечно, куда без неё в нашей жизни.

© Гросс А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	17
Часть 3	27
Часть 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Часть 1

В прошлом, когда я задавала вопрос своей матери: «Мама, почему ты назвала меня Марией?», она морщилась, словно от зубной боли. Ей, должно быть, уже сотни раз приходилось отвечать на этот вопрос, и она явно устала от этого. Но я, как зачарованная, продолжала представлять себя маленькой девочкой, живущей в волшебной сказке.

— Не сейчас, Маша, — отвечала она, предпочитая заняться чем-то другим, лишь бы не сидеть со мной. Однако это был один из немногих способов, с помощью которых я могла заставить её уделить мне хоть немного внимания. По какой-то причине, когда она начинала рассказывать мне о своих мечтах до моего рождения, она погружалась в волшебство истории и забывала о том, чем бы предпочла заняться.

— Пожалуйста, мама, — я старалась, чтобы мой голос не был слишком высоким и раздражающим. Это была простая просьба, от которой она вряд ли могла отказаться.

Мама посмотрела на гору немытой посуды, а затем снова на меня.

— Ладно, — сказала она, — ещё разок расскажу.

— Хорошо, — согласилась я, хотя и надеялась, что этого не произойдёт.

— Когда ты пиналась в моём животе, — начала мама, положив руку на свой почти плоский живот, — мне начали сниться сны.

— О чём? — спросила я, как всегда подыгрывая ей, хотя прекрасно знала, что она расскажет.

— О крошечной золотоволосой девочке.

— На мне было зелёное платье, — радостно и мечтательно произнесла я, и от волнения мой голос звенел.

— И три пушистых коричневых медвежонка.

— Как я обожаю эту историю, — говорю я, с блаженной улыбкой на лице

— Точь-в-точь как в сказке про Машу и трех медведей, только медведи в моих снах были к маленькой девочке очень добры.

— Медвежата не обижали маленькую девочку? — спрашиваю я.

— Нет, — тихо отвечает мама. — Они не причинили тебе вреда.

Мне нравится, когда она так погружается в свой сон, что забывает, что маленькая девочка — это всё же не я. Она ведь не знала, что я девочка, пока я не родилась. Я была просто загадочной выпуклостью на её теле.

— Что они делали?

— Они просто играли с тобой. — Она закрывает глаза, снова пытается вспомнить образы из своих снов. Уголки её губ приподнимаются в улыбке.

— А как они играли?

— Они щекотали тебя своими носами. Они гонялись за тобой, пока ты не расхохотался так сильно, что упал на траву. Потом они окружили тебя, как большой коричневый меховой ковёр, и обнюхивали со всех сторон.

— А я? Я улыбалась при этом?

— Да. Ты выглядела очень счастливой. Это медвежата делали тебя счастливой.

Я часто мечтала, чтобы медведи из сказки на самом деле пришли за мной, чтобы одиночество, которое я чувствовала почти каждый день, сменилось теплом этого счастья, чтобы я могла уткнуться лицом в их мягкий мех и смеяться, как та девочка из сна.

— И поэтому ты назвала меня Машей?

«Как будто Вселенная пыталась мне что-то сказать», — задумчиво размышляет мама, а затем, словно опустив заслонку, её улыбка исчезает. Она разглаживает юбку и встаёт с дивана.

— Как звали медведей? — окликаю я её, уже скучая по теплоте этой истории.

— Ну я же сто раз говорила тебе, что не помню. . — И это последний раз, когда я рассказываю тебе эту историю. Доченька тебе уже двадцать лет и ты совсем взрослая, давно пора прекращать верить в сказки.

Мама всегда говорила что больше никогда не будет рассказывать об этих своих снах, зная, что эта угроза меня напугает, но в тот раз она не отступила. Больше я эту историю от неё не слышала.

Ночью, когда мне было холодно в постели, я представляла, каково это — быть окружённой теплом трёх каких-то мифически добрых медведей. Я часто возвращалась в мамин сон, представляя, как засыпаю в окружении медведей, которые оберегают меня и наполняют радостью пустые и безжизненные уголки моей души. Я хранила этот образ до тех пор, пока не достигла половой зрелости, и симпатичные мальчики заставили меня забыть о медведях, пока не началась моя настоящая история.

Однажды...

МАША

Наручники слишком туго сидят на моих запястьях, впиваясь в кожу и кости. Он застегнул их именно так, как мне нравится. Каждый наручник прикреплён к спинке кровати, широко разводя мои руки. Я сгибаю пальцы в прохладном воздухе, прислушиваясь к каждому звуку, чтобы понять, где он в этой комнате.

Здесь так тихо, и без помощи моих глаз, которые закрыты атласным шарфом, я чувствую дрожь бессилия, от которой сжимается моя киска. Мои ноги тоже привязаны к каркасу кровати, но не наручниками, что очень жаль. Больше всего мне нравится прикосновение металла. Это всегда добавляет остроты.

Из тишины доносится едва слышный шорох ткани, возможно, движение руки, а затем холодный металл скользит по моей груди, и я знаю... он собирается зажать мой сосок...

Звон телефона вырывает меня из сладостных грёз, заставляя сердце биться быстрее. Я протягиваю руку к аппарату, уже зная, что это будет деловой звонок. Время за полночь, и никто из тех, кто знает меня достаточно хорошо, не стал бы беспокоить меня в столь поздний час.

Моё удовольствие было прервано, и я испытываю раздражение. Как же я не люблю, когда меня отвлекают!

— Здравствуйте, это фирма «Золотые замки», — произношу я профессионально, хотя и немного запыхавшись от бега к телефону.

— Здравствуйте, — отвечает мне низкий и мягкий голос, словно лучший сорт шоколада. — Простите за беспокойство. В мой дом кто-то проник и сломал замки на дверях. Не могли бы вы прийти сегодня вечером?

— Да, — я сажусь и сбрасываю одеяло с ног. — Дайте мне минуту, чтобы найти ручку.

Я перевожу телефон в режим громкой связи и начинаю искать в прикроватной тумбочке ручку и блокнот.

— Где вы находитесь? — спрашиваю я. Мужчина называет незнакомый адрес и говорит, что его зовут господин Борн, и мне нужно воспользоваться GPS, чтобы найти его дом. Он также подробно описывает замки, которые ему нужны, и я с радостью обнаруживаю, что все они есть в моём арсенале.

Я называю ему цену и договариваюсь встретиться с ним в течение часа, после чего заканчиваю разговор. На моей тумбочке лежит маленький ключик, и я освобождаю свою скованную руку из-под наручника, вздыхая от разочарования. Сегодняшняя фантазия подошла к концу, и я возвращаюсь в реальность.

Обычно я надеваю на работу рабочий комбинезон. Он удобный, с карманами, и я не боюсь испачкать его. Сексуальный золотистый атласный топ и шорты, которые сейчас на мне, усиливают мои фантазии и помогают мне войти в роль.

Мистер Борн торопит меня, и я надеваю комбинезон поверх пижамы, чтобы быстрее собраться. Я собираю свои выющиеся светлые волосы в небрежный пучок, торопясь, потому что мне нужно всего несколько минут, чтобы добраться до своего магазина, где я храню замки.

Моя матушка, вспоминая о моём выборе профессии, неизменно отпускала шуточки, сопровождаемые насмешливой ухмылкой. Она часто припоминала истории о том, как в детстве я запиралась в чуланах. Мой излюбленным тайником был шкафчик под лестницей. В подростковом возрасте во мне проснулась страсть к перебиранию дверных замков. Со временем я могла собрать и разобрать замки производства любой фирмы с закрытыми глазами.

Моя стройная фигура и оформившаяся грудь стали прекрасным дополнением к моему лицу, которое все считали красивым. Большие голубые глаза привлекали множество поклонников. Моё увлечение ремонтом замков, особенно на фоне такой сексуальной внешности, казалось странным и даже немного сумасшедшим. Поначалу многие считали меня чудаковатой. Но со временем люди привыкли ко мне, особенно когда я начала зарабатывать на жизнь ремонтом замков.

Ключ от комнаты лежал снаружи. Я до сих пор помню, как волновалась, поворачивая крошечный чёрный ключик и слыша, как щёлкает замок. Внутри меня ждал старый ковёр, который казался мне мягким, как медвежья шкура. Здесь я могла спрятаться от осуждающих взглядов матери, запереться в комнате и представить, что нахожусь в другом месте.

В детстве у меня была коробка с ключами, с которыми я любила играть. Это были в основном старинные ключи, которые мой отец покупал в комиссионном магазине. Среди них были и новые, простые, и замысловатые.

У меня были также блокноты с замками, куда я записывала свои секреты, и даже детский костюм полицейского, который я оставила в коробке, потому что мне хотелось поиграть только с наручниками.

Причина моего увлечения замками остаётся загадкой. С возрастом мой интерес приобрёл сексуальную окраску: в моих фантазиях всегда фигурировали металлические наручники или висячие замки и цепи, которые фиксировали меня в стеснённых позах.

Звук ключей, когда я их поворачиваю, вызывает у меня покалывание и набухание клитора. Это стало странным побочным эффектом моей работы: я возбуждаюсь, когда меняю замки для клиентов.

В прошлых отношениях я стеснялась говорить о своих пристрастиях. Мои выющиеся светлые волосы и широко распахнутые голубые глаза создают образ невинной девушки. Муж-

чины, которым нравится такой типаж, хотят видеть рядом с собой милую спутницу, а не ту, у которой есть странные пристрастия к сложному и опасному на вид, возможно, даже немного извращённому сексу. Поэтому мои фантазии остаются в секрете, и я наслаждаюсь ими только в своих мыслях. Иногда я даже надеваю наручники на одну из рук, чтобы немного усилить ощущения.

Дорога до дома мистера Борна занимает немного времени из-за позднего часа, но я внимательно осматриваю окрестности, потому что никогда раньше здесь не была. Участок окружён частным лесом, который является частью более крупного Корельского леса.

Дорога была длинной и извилистой, по обеим сторонам которой росли деревья, переплетаясь ветвями над головой и закрывая лунный свет. Фары моей машины отбрасывали короткую жёлтую дугу света, которая становилась всё длиннее с каждой кочкой на пути.

Чтобы добраться до дома, который появился среди деревьев так внезапно, что мне пришлось резко затормозить, потребовалось десять минут времени. Я не ожидала увидеть такое. Особняк был огромным, тёмным и внушающим страх, словно серый камень за долгие годы покрылся сажей, пылью и воспоминаниями. Он зловеще возвышался над землёй, устремляясь в чернильно-чёрное небо.

Не менее пятнадцати высоких окон выходили на фасад, но над входной дверью горел только один фонарь. Деревья окружали этот жутковатый на вид дом, склоняясь, словно протягивая руки в знак поклонения грозному идолу.

Когда я вышла из машины на прохладный ночной воздух и понесла свой ящик с инструментами и новыми замками к входной двери, я вдруг кое о чём подумала, и по моей спине пробежали мурашки.

Я не сообщила никому о своём местонахождении. В случае непредвиденных обстоятельств, сколько времени потребуется для моего обнаружения? И смогут ли меня найти в этой отдалённой местности?

Я мысленно обратилась к высшим силам с безмолвной молитвой о защите и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Мистер Борн говорил по телефону хриплым и грубым голосом, но в его тоне слышалась теплота. Ну и что, что он живёт в доме, который выглядит так, будто принадлежит Дракуле или Кощею Бессмертному? Возможно, этот дом принадлежал его семье на протяжении нескольких поколений. И вообще, что я так волнуюсь? Вероятно, мистер Борн — пожилой человек, который сам сильно напуган происшествием.

Пытаясь успокоить себя таким образом, я трижды постучала в огромный латунный дверной молоток, размышляя о том, в какую дверь могли проникнуть воры. Я осмотрела тёмное дерево на наличие повреждений, но оно выглядело целым и невредимым. На самом деле, оно казалось достаточно прочным, чтобы выдержать натиск армии или стаи разъярённых носорогов.

Я ждала около минуты, размышляя, услышал ли меня мистер Борн, прежде чем услышала приближающиеся шаги. Большой замок щёлкнул, и дверь со скрипом открылась.

В доме было тусклое освещение, но даже при этом было видно, что мистер Борн — крупный мужчина. Он был как минимум на полметра выше меня и имел внушительное телосложение. Одет в тёмные брюки и свитер, который облегал его широкие плечи и мощную грудь. Мне приходилось задирать голову, чтобы встретиться взглядом с его загадочными тёмно-кариими глазами. И он определённо не был старым, и уж тем более не выглядел напуганным. Этот мужчина был великолепным и внушительным! С кулаками больше моей головы, такой человек мог кого угодно напугать.

— Здравствуйте, меня зовут Мария, я слесарь по обслуживанию замков! — говорю я растерянным голосом и, когда он не отвечает, повторяю: — я слесарь.

Не говоря ни слова, но приподняв одну тёмную бровь, он отступает в сторону, чтобы дать мне пройти. Меня даже немного удивило, что он не высказал никаких замечаний по поводу того, что слесарем оказалась девушка. Видимо, этот господин был достаточно воспитанным, несмотря на то что жил в такой глуши. От него приятно пахло чем-то лесным, и я снова вытянула шею, когда вошла в великолепный коридор с изысканной лестницей, красивой чёрно-белой плиткой на полу и массивной люстрой со свечами.

Похоже, это точно дом его предков, так как стены украшали внушительные портреты мужчин, похожих на него, но одетых в одежду прошлых эпох. На стене была какая-то большая фотография и подпись «Соловецкий монастырь», да вы издеваетесь, этот дом из монахов что ли?

Пока я осматривалась, мужчина, которого я приняла за мистера Борна, закрыл за мной дверь. Затем он заблокировал её огромным массивным засовом. Я быстро обернулась, услышав скрежет засова, и мой взгляд сфокусировался на его руке и большом чёрном металлическом ключе, который он сжимал, и, должно быть, я выглядела встревоженной, потому что его глаза вспыхнули от смущения.

— Простите, я всегда запираю двери. Но сегодня это не помогло. — Он избегал моего взгляда, вместо этого сосредоточившись на своей руке и ключе, зажатом в пальцах. Он был большим и витиеватым, как раз такой ключ, от которого у меня замирало сердце. Мне не терпелось прикоснуться к этой старинной филигранной детали. Я отбросила чувство страха и обнаружила, что его заменяет сочувствие к его тревоге и небольшая искра жара, которая разгоралась между моих бёдер. Этот звук, поворот большого ключа в огромной руке мистера Борна, пробудил моё тело, и я надеялась, что он не заметит, как я сжимаю ноги.

— Ничего страшного. Я тоже всегда держу свои двери закрытыми. Это, наверное, издержки профессии. Не хотите ли вы показать мне, где нужно заменить замки?

— Сюда, — говорит он, углубляясь в темноту.

МАША

Следуя за мистером Борном по длинному коридору, я заглядываю в роскошно украшенные комнаты, пока мы не оказываемся в удивительно современной кухне. Тёмные шкафы в стиле шейкер, обшитые дубовыми панелями с грубой кромкой, создают уютную атмосферу. На крючках висят медные кастрюли, а в углу стоит массивная плита. Это не просто кухня холостяка, а пространство, созданное человеком, который ценит искусство приготовления пищи.

Перед задней дверью стоит массивный деревянный сундук, удерживающий её закрытой. Высверленные замки кажутся заметными царапинами.

— Сейчас я покажу! — говорит мистер Борн. Своими огромными руками он отодвигает в сторону массивный дубовый сундук, который, вероятно, весит полтонны, но делает это с лёгкостью, вызывающей у меня удивление. Его огромные бицепсы выпирают из-под свитера, а мышцы спины напрягаются. Я смотрю на него, замечая мускулистые бёдра, обтянутые брюками, и спину, способную двигаться в изнурительном ритме. Мышцы спины настолько рельефны, что видны сквозь свитер. Внезапно у меня пересыхает во рту, и я прочищаю горло, сделав несколько глотков из небольшой бутылки воды, которую всегда ношу с собой на работе.

Шагнув вперёд, я кладу инструменты на пол и осматриваю повреждения. Мои щёки пылают, но освещение под шкафом достаточно тусклое, чтобы скрыть признаки моего возбуждения. Мистер Борн стоит достаточно близко, и его запах окутывает меня, затуманивая разум. Боже, неужели мне так сильно хочется секса, что от одного запаха мужчины кровь закипает? Да, Мария, да, ты такая!

Он глубоко вздыхает, и я понимаю, что это скорее предвестник вздоха, чем попытка принюхаться ко мне. Похоже, это простая работа, и я говорю ему об этом. Мистер Борн кивает, и я приступаю к работе. В моей голове возникает закономерный вопрос: а что же те злоумыш-

ленники, которые проникли в этот дом? Хозяин, который, как мне кажется, может разорвать пополам любого человека без особых усилий. Но вслух я предпочитаю этого не говорить.

После примерно пяти минут, в течение которых его серьёзный взгляд упирается мне в спину, он спрашивает, не хочу ли я чашечку кофе. Я соглашаюсь, что странно, и прошу маленькую чашку со сливками и сахаром. В конце концов, сейчас середина ночи. "У меня есть маленькая чашка", — говорит он. — Сейчас сделаю Вам кофе. Я не смотрю, как он перемалывает зёрна или варит кофе, но от звука его неторопливых и тихих шагов позади меня в его огромной кухне у меня по спине бегут мурашки. Он ставит напиток на пол рядом со мной, и я с благодарностью делаю два глотка, прежде чем продолжить.

Он сидит за кухонным столом, попивая свой напиток и наблюдая за мной, как грозный медведь с тёмными лохматыми волосами и бородой. Я не чувствую необходимости поддерживать разговор, и это странно. Обычно в таких обстоятельствах я бы болтала о ценах на товары, росте преступности и погоде — обо всех темах, которые незнакомцы заводят, чтобы чувствовать себя комфортно и найти общие темы для разговора. Воздух вокруг меня становится тёплым, настолько тёплым, что мои глаза опускаются, пока я усердно работаю, чтобы закончить дело. Я подавляю зевок рукой и тянусь за ещё одной порцией кофе. Мне понадобится весь запас кофеина, чтобы добраться до дома в целости и сохранности, но я так сильно устала.

Когда я завершаю работу, то оборачиваюсь к мистеру Борну и вижу на его лице бесстрастное выражение. Его взгляд скользит по мне: от растрёпанных светлых волос до лица, затем к телу, облачённому в рабочий комбинезон, и к ногам в кроссовках. Невозможно понять, что он думает о моей внешности. И всё же его взгляд словно тяжёлая рука, скользящая по моей разгорячённой коже. Я убираю прядь с глаз, жалея, что не приложила больше усилий, чтобы привести себя в порядок перед этим заказом.

— Я закончила здесь, но у меня в сумке остались ещё несколько замков, которые вы просили. Это значит, что злоумышленники проникли и в другую комнату? — спрашиваю я, потирая правой рукой свою накачанную руку и сдвигая мягкую ткань свитера на левом бицепсе. Эффект завораживает.

— Да, — отвечает он.

— Хорошо, тогда вперёд. Показывайте дорогу. Это внизу или дверь в спальню?

— Там, в спальне, — говорит он. — Но я должен предупредить тебя кое о чём.

— Что вы имеете в виду? — настороженно спрашиваю я.

— Здесь есть кое-что, что не предназначено для посторонних глаз! — говорит он, разводя руками.

Мистер Борн встаёт и направляется в коридор. Я хватаю свой ящик с инструментами и сумку и следую за ним по лестнице.

Боже, как же сексуально он двигается! Его походка медленная, как у пантеры. Кажется, что он переполнен сдерживаемой силой, такой сдержанный и спокойный снаружи, но в его глазах горит огонь, который я чувствую каждой клеточкой своего тела. Это как стоять рядом с генератором: ты просто знаешь, что если подключишься к нему правильно, то получишь электрический разряд.

Он замедляется, когда мы поднимаемся наверх, и мы начинаем спускаться по ещё одному длинному коридору. Кажется, что глаза на портретах следят за нами. Дверь в конце коридора приоткрыта, и когда мы проходим примерно пять шагов от комнаты, мистер Борн внезапно оборачивается и замирает. Он делает это так резко, что я чуть не врезаюсь в него.

— За этой дверью находится нечто личное для меня, — говорит он, отводя глаза в сторону. — Я прошу тебя сохранить в тайне то, что ты увидишь.

— Конечно, — отвечаю я.

Моё любопытство берёт верх над страхами и осторожностью. В голове проносятся мысли: «Что там? Святилище в честь тёмных демонов? Или там куча женской одежды, которую он

носит, когда остаётся один?» В таком случае я не могу представить, где он берёт вещи по размеру, но, похоже, у него есть деньги на самого дорогого портного.

— Воры взломали замки в спальне, потому что она была заперта, и, наверное, подумали, что там есть что-то ценное.

— А там не было ничего?

— Нет, ничего ценного точно не было.

Мы стоим, и он смотрит на меня серьёзно, а я — растерянно, и не понимаю, что меня ждёт за этой дверью.

— Ну что, мне заняться замками? — спрашиваю я.

— Хорошо, — вздыхает мистер Борн и отходит в сторону, пропуская меня в комнату. Я толкаю дверь, чтобы оценить повреждения, и у меня перехватывает дыхание от того, что я вижу.

В тусклом свете единственной лампочки в конце коридора я наконец-то начинаю понимать, почему господин Борн так нервничает, боясь, что я увижу эту комнату.

В центре комнаты гордо возвышается кровать с балдахином и ремнями, а вокруг неё на стенах развешаны различные предметы: плетё, тонкая трость, наручники и кожаные ремни, повязки на глаза и маски.

Моё сердце начинает биться быстрее, словно в предвкушении чего-то необычного.

С потолка свисает длинная система блоков, способная подвесить добровольную жертву или даже жертву против её воли.

Я оборачиваюсь и вижу господина Борна, который внезапно оказывается совсем близко позади меня.

— Это не камера пыток, — медленно произносит он. — Мне просто нравится, чтобы всё было в определённом... виде.

Его взгляд становится обеспокоенным, и он хмурится, рассматривая меня. Ему не нравится страх, который, как он думает, он может увидеть в моих глазах. Он не хочет, чтобы я знала его секрет или видела его реакцию.

— Просто почини замки, и ты сможешь уйти, — говорит он мягко. Его нежная забота пробуждает что-то во мне. Я хочу осмотреться, принять реальность своей фантазии и прикоснуться к тому, что до сих пор было лишь в моих мечтах.

Когда я делаю шаг в комнату, господин Борн говорит: «Не надо», — с болью в голосе. — Я знаю, как это должно выглядеть для тебя. Я просто хочу починить дверь, чтобы я мог снова её запереть.

— Вы запираете дверь, чтобы сюда не заходили? — спрашиваю я, подходя к кровати и проводя пальцами по чистым белым простыням. Мои пальцы касаются холодной стали наручников, и по моему позвоночнику пробегает дрожь, покалывая шею.

— Да, — отвечает он, проводя рукой по своим густым тёмным волосам и глядя в безликую черноту за окном. — Я думал, что если у меня получится, то я смогу найти кого-то, кто будет хотеть того же, что и я.

— Но вы их не нашли? — спрашиваю я. Он качает головой. — А как же социальные сети? Разве нет веб-сайтов?

Он пристально смотрит на меня.

— Я похож на человека, интересующегося социальными сетями? — говорит он. — Вы просто солидный мужчина и не похожи на человека, у которого в доме есть комната для запрещённых сексуальных утех.

Кожа над его бородой краснеет, и он засовывает руки в карманы.

Я ненавижу смущение, которое вызывает его предпочтение, но потом вспоминаю, как смущаюсь из-за своих желаний, и понимаю, что он чувствует. Трудно хотеть чего-то, что не является общепринятым, и нелегко найти того, кто тебе нравится и увлекается тем же.

Интересно, как долго господин Борн ждал, чтобы найти кого-то, прежде чем запер дверь в свои надежды. От этой мысли мне становится грустно за него и за себя.

Подавляя в себе что-то и игнорируя это, вы не сможете жить полной жизнью. Это создаёт тяжёлое чувство стыда и сожаления.

Я хочу узнать больше о том, что нравится господину Борну, и надеюсь, что разговор об этом поможет мне освободиться. Глядя на множество приспособлений и оборудования и представляя, как большие руки господина Борна прижимают меня к полу, я возбуждаюсь.

— Вам нравится, когда вас... ограничивают? — спрашиваю я, стараясь говорить непри-
нуждённо.

— Нет, — почти рычит он в ответ. — Мне наоборот нравится контролировать всё. Мне необходимо всё контролировать.

Эти слова для меня словно бальзам. Как будто я долго блуждала в тёмном лесу и наконец нашла то место, которое так долго искала — тёплый домик со всеми удобствами и едой, которые только могла пожелать.

— Знаете, — говорю я, поворачиваясь к нему лицом и замечая, что он прислонился к спинке кровати, — когда вы позвонили мне, я была в постели. Я была...

Прежде чем я успеваю закончить, звук хлопнувшей внизу двери заставляет нас обоих повернуть головы в сторону коридора.

— Здесь есть кто-то ещё? — спрашиваю я. Мистер Борн торжественно кивает.

— Это мой брат Иван, — говорит он. На лестнице раздаются шаги, и мистер Борн вздыхает, отступает на шаг и прислоняется к стене.

— Роберт? — низкий голос брата мистера Борна прерывает тишину.

— Я здесь, — отвечает Роберт. Я готовлюсь встретиться лицом к лицу с ещё одним огромным мужчиной. Будет ли он похож на Роберта? Он моложе или старше? Я получаю свой ответ, когда он появляется в поле зрения. Реальность превосходит все мои самые смелые ожидания.

Видимо, они — однояйцевые близнецы, они похожи как две капли воды. Моя кошка трепещет, когда его тёмные глаза встречаются с моими, и на его лице появляется полуулыбка.

— Я не знал, что у тебя гости, — говорит он, оценивающе глядя на меня с тёплым юмором в глазах.

— Это слесарь, — говорит Роберт. — Я не знал, что бывают такие милые слесари ремонтники. Я ожидал, что к нам отправят пожилого и не совсем трезвого мужика. А пришла вот эта принцесса и говорит, что она починит нам замки.

Они похожи друг на друга, но есть едва заметные различия, которые меня завораживают. Там, где у Роберта брови серьёзные и прямые, у Ивана они изогнуты, что придаёт ему лёгкое озорство. Там, где у Роберта тёмно-карие глаза с обсидиановыми зрачками, у Ивана глаза кажутся ярче и искрятся озорством.

— У нас на фирме много слесарей всех форм и размеров, — говорю я, улыбаясь.

— М-м-м... — Он смотрит на брата. — Значит, ты снова запираешься? «Да», — огрызается Роберт. «Конечно». Иван качает головой. «Я не понимаю, зачем это ему нужно. Это наш дом. Зачем нам какие-то недоступные комнаты?»

— Ты знаешь почему, — Роберт складывает руки на груди, выпячивает грудь и стискивает зубы.

— Что ты думаешь? — обращается ко мне Иван, склоняя голову набок и вопросительно приподнимая бровь. Может быть, эта комната имеет особое значение для обоих мужчин, но один не хочет ею пользоваться, а другой — нет?

Я пожимаю плечами: «Если бы в доме были дети, я бы сказала, что в этом случае замки нужны. Но если здесь живёте только вы, то они вам не требуются».

— Только мы вдвоём, — говорит Иван. — Прямо сейчас...

Роберт фыркает: «Может быть, просто позволим...» Он смотрит на меня, осознавая, что забыл моё имя.

— Мария, — говорю я ему. — Пусть Мария делает свою работу. Уже поздно. Я уверен, что она хочет домой.

Я хочу сказать ему, что была бы рада провести с ним время в этой волшебной стране, но с Иваном здесь всё стало гораздо сложнее. Роберт выходит из комнаты, и Иван следует за ним. Затем я остаюсь одна, чтобы заменить сломанный замок. Недолго думая, я снимаю старую сердцевину и вставляю новую. Чтобы всё работало без сбоев, приходится кое-что подрегулировать, но когда я заканчиваю, мне не хочется уходить. Я чувствую себя в этой комнате Аладдином в пещере сокровищ.

Разумнее всего было бы уйти, но, несмотря на риск, мне гораздо приятнее смотреть на все эти богатства. Я понимаю, что это чужой дом, но это не уменьшает моего любопытства. Прикасаясь к ремням, я чувствую, как нарастает моё возбуждение. Мои соски напрягаются под тканью блузки, а между ног становится горячо и влажно. Становится ещё жарче, когда я нахожу ящик, наполненный фаллоимитаторами, зажимами и другими вещами, которые я только представляла. Как будто я попал в место, сотканное из моих снов. Я провожу пальцем по массивному стеклянному фаллоимитатору, который на ощупь холодный.

Каково мне было бы, если бы Роберт ввёл его в меня? От этой мысли я вздрагиваю. Затем кто-то откашливается в дверях. Я оборачиваюсь и вижу Ивана и Роберта с совершенно разными выражениями лиц. Роберт покраснел и старается смотреть на меня так, будто я застала его голым с членом в руке. Иван же широко улыбается и в его хитрых глазах читается понимание.

— Мария, вам нравятся эти игрушки? — лукаво спрашивает Иван.

В этот момент у меня пересыхает во рту, и всё желание, которое накопилось внутри, сдавливает горло. Я хочу ответить «да». Я хочу признаться, насколько сильно я готова отдаться своим желаниям в этой комнате. Я хочу сказать им обоим, что здесь нет ничего постыдного — по крайней мере, с моей точки зрения.

Но я также и напугана. Если я открыто заявлю о своих желаниях, то что-то может произойти здесь и сейчас, и эта перспектива пугает меня не меньше, чем возбуждает. Годы предостережений о незнакомцах привели к тому, что я с тревогой думаю о своей безопасности с этими двумя огромными мужчинами.

И хотя я много фантазировала о чём-то по-настоящему безумном, я никогда не представляла себе больше одного мужчины. С одним Робертом всё было бы хорошо, но умножать его на два — совсем другая перспектива, даже если Иван так же хорош собой.

Повисает неловкое молчание, и я открываю рот, всё ещё не зная, что сказать. В этот момент звонит мой телефон. Это идеальное отвлечение в идеальное время, и когда я отвечаю на звонок, то понимаю, что у меня есть ещё одна срочная работа. Две за одну ночь! Каковы шансы?

Закончив разговор, я поднимаю взгляд на двух великолепных, внушительных мужчин, стоящих в дверях.

— Я закончила с замками, — говорю я. — И мне нужно идти.

— Ваши деньги внизу, — говорит Роберт. — Позвольте, я провожу вас.

Иван снова лукаво ухмыляется, но молчит, пока я собираю свои инструменты и следую за Робертом. На кухне Роберт протягивает мне оговорённую плату наличными, и я беру их, глядя в его глубокие карие глаза так долго, что у меня замирает сердце. Он так сильно сглатывает, что кажется, будто он голоден. Я надеюсь увидеть в его взгляде тоску, может быть, возбуждение. Я хочу, чтобы он почувствовал то же влечение, что и я, и то же отчаяние, которое заставляет меня жить в соответствии с давно подавленными фантазиями. Но его взгляд для меня непонятен. Я кладу деньги в карман комбинезона.

— Благодарю вас за то, что так быстро откликнулись, — произносит он. — И... за вашу предусмотрительность.

«Всё в порядке. Это моя работа», — отвечаю я.

Роберт откашливается, и его неуверенность настолько ощутима, что у меня внутри всё переворачивается. Он поворачивается и жестом руки показывает мне, чтобы я направилась к входной двери. Однако прежде чем я успеваю дойти до неё, снаружи в замке поворачивается ключ, и другой мужчина открывает дверь, заполняя собой проём. Внезапно я оказываюсь лицом к лицу с ещё одним двойником Роберта. Это не Иван, потому что он спускается по лестнице.

«Что происходит?» — проносится у меня в голове.

Новый мистер Борн оглядывается по сторонам, и выражение его лица меняется с серьёзного на удивлённое. А затем, когда он встречается со мной взглядом, его глаза вспыхивают золотом, сверкая так, словно в их глубине бушует огонь. Я моргаю, и моё сердце замирает от волнения. Прищурившись, я пытаюсь понять, что вижу, и меня охватывает шок и страх.

Я инстинктивно отступаю назад, но отступать больше некуда. Роберт стоит так близко, что моя спина прижимается к его груди, а его руки обнимают меня за плечи. Я поворачиваюсь так резко, что у меня начинает болеть шея, и вижу, что Роберт смотрит на меня сверху вниз, и его глаза тоже горят золотом. Я вздыхаю, вспоминая их прежний насыщенный шоколадный оттенок. Новый цвет кажется ярким и неестественным, и меня охватывает холодный животный страх.

Скрип лестницы привлекает моё внимание, и рамка с фотографией дребезжит, когда Иван, пошатываясь, подходит ко мне. Его рот приоткрыт от шока, а глаза сверкают так же, как и у его братьев. Он размахивает руками, чтобы удержаться на стене, а Роберт обхватывает меня за плечи.

Мужчина у двери смотрит в пол, моргает и трясёт своими тёмными волосами. Когда его взгляд снова встречается с моим, он смотрит на меня сквозь опущенные веки и густые ресницы, и мне кажется, что я всё выдумала. Вместо сверкающих золотых зрачков я вижу тёплые шоколадно-коричневые. Я бросаю взгляд на Ивана, а затем поворачиваюсь к Роберту и вижу то же самое. Я моргаю в замешательстве, словно очнувшись от сна.

— Харольд, а Мария уже уходит, — говорит Роберт.

«Ухожу... но что это было?» — спрашиваю я.

— Не сейчас, — огрызается Роберт. Он практически выталкивает меня за дверь, и когда я оказываюсь на крыльце, то оборачиваюсь, ошеломлённая и растерянная, отчаянно пытаюсь понять, что, чёрт возьми, только что произошло.

— Благодарю вас, Роберт, — поспешно говорю я и закрываю за собой дверь, запирая её на ключ.

После рабочего дня я провожу ещё около часа в постели, вспоминая самую необычную ночь в своей слесарной практике. В памяти всплывают образы комнаты, тройняшек и странного видения с их глазами.

Я качаю головой, моргая в темноте. Должно быть, это было лишь игрой воображения — золотые глаза, их блеск. Я очень устала, да и в коридоре было сумрачно. Возможно, это была лишь иллюзия или игра света. В противном случае я бы сошла с ума, поверив в сверхъестественные явления.

Проснувшись после десяти утра, я почувствовала, как урчит мой желудок, и отправилась на кухню. Там я приготовила себе большую тарелку овсянки, добавив кусочек солёного сливочного масла и ложку мёда, как это делала моя мама. Получилось очень вкусно!

Впереди меня ожидала большая работа: уборка квартиры сверху донизу и стирка за неделю. Чтобы немного отвлечься от забот, я надела наушники и погрузилась в аудиок-

нигу-триллер. Однако от этой жуткой истории у меня пробежали мурашки по спине, и я отложила её в сторону.

Завершив домашние дела, я приняла душ и облачилась в обтягивающие чёрные джинсы и жёлтый топ, который спадал с одного плеча. Этот наряд был элегантным, но сексуальным, и я могла носить его как днём, так и вечером.

Сегодня я встречаюсь со своей подругой Лизой за поздним обедом, который, вероятно, будет сопровождаться коктейлем «Мимоза». Лиза очень хочет посетить новый бар в соседнем городе, и я не могу отказать ей в этой просьбе. Каждый раз, когда мы куда-то идём, я возвращаюсь домой гораздо позже, чем ожидала.

Я беру такси и направляюсь в нашу любимую закусочную. Здесь готовят восхитительные бургеры и луковые кольца. А картофель фри с сыром, острой сальсой, авокадо и халапеньо — просто шедевр! А молочные коктейли! От одного взгляда на них текут слюнки. С полным желудком вкусной еды алкоголь, который я планирую употребить позже, не станет для меня таким уж тяжёлым испытанием.

Лиза уже приближается к закусочной, когда я только подъезжаю. Я расплачиваюсь с водителем такси, а она ждёт меня на тротуаре. Её короткое платье в цветочек развевается на ветру, а сама она кутается в джинсовую куртку. Ветер сильный, а погода не по сезону холодная. Я благодарна, что успела захватить тёплое чёрное пальто в последнюю минуту.

— Привет, дорогая, — радостно говорит Лиза, крепко обнимая меня, пока водитель такси лавирует в потоке машин.

— Привет, подруга, — отвечаю я, и мы отстраняемся, улыбаясь друг другу.

— Отлично выглядишь, Машка. И я вижу, что-то заставило твои щёки засиять.

Я хмурюсь и качаю головой:

— Должно быть, это из-за макияжа.

Она берёт меня под руку, и мы подходим к двери закусочной. Лиза протискивается внутрь, и мы сразу же ощущаем запах жареного мяса. У меня текут слюнки, но потом я понимаю, что позже, когда мы пойдём в бар, от нас будет пахнуть барбекю. Ну и ладно. Мужчины любят мясо на гриле. Они, вероятно, будут толпиться вокруг нас, глотая слюну.

Мы садимся за наш обычный столик и просматриваем меню, хотя в девяти случаях из десяти заказываем одно и то же. Лиза заправляет каштановые волосы за ухо и прикусывает нижнюю губу.

— Я хочу стейк, — говорит она.

— Серьёзно? Ты что-то путаешь, ты же вроде вегетарианкой была последнее время?

— Чёрт, да. Мне нужны перемены. Жизнь была скучной.

Она бросает меню на белый стол между нами и откидывается на спинку потрёпанного красного кресла из искусственной кожи.

— Так что же тебя так радует? Должно быть, это связано с мужчиной.

«Я совсем не сияю от счастья», — хмурюсь я.

Лиза прищуривается и ухмыляется:

— Слушай, подруга! Отрицание — это не спроста, обычно то оно и выдаёт девушку! Кто он такой?

Я закатываю глаза, но улыбка, которая появляется на моих губах, уже выдаёт меня с головой. Я складываю руки на груди и наклоняюсь вперед.

— Всего лишь клиент? И всё?

— Да, молодой человек, которому требовался слесарь для ремонта замков.

— И ты отремонтировала... не только его замок?

— Нет, — отвечаю я с лёгким раздражением, когда официант, новенький и молодой, слишком долго задерживает на нас свой взгляд.

Я заказываю бургер и картошку фри, сопровождая свой выбор ванильным молочным коктейлем. Лиза выбирает стейк с картошкой фри и клубничный молочный коктейль. Официант наливает нам воды из стеклянного кувшина и оставляет его на столе. Мы обе провожаем его взглядом.

Уважаемые читатели, не забывайте подписываться на автора!

Часть 2

Я заказываю бургер и картофель фри с ванильным молочным коктейлем, а моя подруга Лиза выбирает стейк с картофелем фри и клубничным молочным коктейлем. Официант наливает нам воду из стеклянного кувшина и оставляет его на столе. Мы обе провожаем его взглядом.

«Персонал в этом заведении, несомненно, улучшился с тех пор, как мы ужинали здесь в последний раз», — говорит Лиза.

Я морщусь, вспоминая предыдущего официанта, чьи брюки были слишком низко спущены на его большом животе, обнажая кожу спины и ягодицы.

«Это точно», — соглашаюсь я.

«Итак, кто этот парень — ох, простите, клиент — и что вас в нём так воодушевляет?»

«Я же говорила тебе, что он просто клиент, но он был симпатичным. Он был таким загадочным, молчаливым, задумчивым. Ты же знаешь, как я люблю сдержанных мужчин».

«Да, потому что тебе нравится представлять, что снаружи они холодные и сдержанные, а внутри просто кипят страстью к тебе», — говорю я.

«Я уверена, что он кипит страстью, но умеет это скрывать, он как вулкан, который вот-вот готов взорваться», — признаю я свои фантазии.

«Откуда ты это можешь знать?» — с сомнением и сарказмом спрашивает подруга.

«Я не могу тебе этого рассказать. Конфиденциальность личного пространства клиента. Скажем так, я узнала кое-что личное о нём, пока работала».

Лиза наклоняется вперёд.

«Ну же, Машка. Ты должна мне всё рассказать. Ты же знаешь, что я сохраню всё это в тайне».

А вот ничего такого я как раз и не знаю. Лиза, конечно, хорошая подруга, но сдержанность — это уж точно не про неё. Болтушка каких ещё поискать. Я провожу пальцами по губам, показывая, что плотно их сжимаю.

Лиза недовольно смотрит на меня, видно, как её изнутри просто распирает от любопытства.

Официант возвращается с нашими молочными коктейлями, и Лиза улыбается ему, соблазнительно поправляя волосы.

«Большое вам спасибо, молодой человек!»

«Не за что, девушки!»

Моя подруга буквально тает от восторга. Когда он убирает со следующего стола, она обмахивается рукой.

— Разве тебе не нравится, когда у симпатичного мужчины есть хорошие манеры?

— Он знает, как обслуживать своих клиентов, чтобы они оставляли хорошие чаевые.

— Он может называть меня, как хочет, в постели и в любое время.

Мы обе разразились смехом, но она наблюдала за ним, словно орлица, кружащая над зайцем.

— Может быть, ты хотя бы назовешь мне имя и опишешь внешность твоего клиента?

— Его зовут Роберт, — отвечаю я. — И он высокий, смуглый и красивый в грубоватой, мужественной манере... брутальный, если вы понимаете, о чём я.

«Дух-хранитель?» У Лизы есть пунктик насчёт духов-хранителей. Она считает, что у всех людей есть тотемное животное, на которое они больше всего похожи либо по характеру, либо по внешности, либо и по тому, и по другому. Лиза убеждена, что мой дух-хранитель — жёлтая бабочка. Жёлтая из-за моих золотистых волос, а бабочка — потому что она чувствует, что я неуравновешенная.

— Медведь, — выпаливаю я. — Он крупный, у него тёмные волосы и борода.

— Волосы на груди?

Я фыркаю, делая глоток молочного коктейля.

— Как вы думаете, что я делаю, когда прихожу в чужие дома, чтобы сменить замки?

— Вы можете просто сказать, — говорит она, глядя мне прямо в глаза.

— На нём был свитер. Слава богу, он не просвечивал.

— Нет ничего лучше мощной волосатой мужской груди, как ковёр, которому можно прижаться.

Я морщу нос. Мне нравятся немногочисленные волосы на груди у мужчин, но называть их ковром или пледом — это не очень приятно. Явно перебор.

— Ну же, подруга, — давит на меня Лиза, — какой у него цвет глаз?

— Коричневые, — говорю я. И потом становятся золотые. Странные, блестящие, сияющие, излучающие золото. Но об этом я своей подруге не рассказываю. Она обвинит меня в том, что я перечитала «Сумерки» или что-то в этом роде.

— Хорошо. У него большие сильные руки? — Лизка мечтательно закатывает глаза к потолку.

О, да! Ещё какие сильные и мускулистые.

— У него хороший дом? — продолжает мечтательно она.

— Как замок из сказки про Дракулу, — признаю я.

— Значит, он богат? — глаза подруги уже загораются от интриги.

— Кто знает? У людей могут быть огромные дома, доставшиеся по наследству, но совсем не быть денег.

— Да, — Лиза потирает подбородок и изучает меня. — У меня хорошее предчувствие насчёт этого парня.

Помимо странной одержимости духами-хранителями, Лиза также верит, что у неё есть шестое чувство.

— Ну и что вызывает у вас хорошее предчувствие?

Она шевелит пальцами, глядя вверх и влево.

— Я не уверена. Он кажется мне подходящим для вас.

Я фыркаю и откидываюсь на спинку стула, иронично смотрю ей в глаза.

— Вы думали так и о Девоне.

Лиза вот так же очень хвалила моего бывшего, пока он не бросил меня ради какой-то рыжей сучки.

— Да, что ж поделать, Девон пошёл против своей судьбы.

— И прямо в чужую вагину.

— Именно! — она многозначительно подмигивает пальцем вверх. — Мистическую силу влагалища нельзя недооценивать.

В тот самый момент, когда она произнесла последнюю фразу, наш официант подошёл к столику, чтобы подать тарелки с нашей едой. Однако он был настолько поражён услышанным, что немного перепутал тарелки, прежде чем поставить их на стол. Моя подруга с трудом сдерживала смех, а щёки молодого официанта мгновенно покраснели.

Когда он ушёл, забыв пожелать нам приятного аппетита, мы обе начали хохотать.

К восьми часам вечера мы уже потягивали фирменный коктейль. Я не имела ни малейшего представления о том, что находилось в этом бокале, но после того, как я выпила половину, у меня начала кружиться голова. Музыка играла достаточно громко, чтобы пол вибрировал, а огни вспыхивали белым, бирюзовым, тёмно-синим и фиолетовым, создавая ощущение, будто ты находишься под водой.

Публика представляла собой разношёрстное собрание: от студентов, едва достигших двадцатилетнего возраста, до сорокалетних профессионалов в области алкоголя. Мы с Лизой

заняли места на табуретах у барной стойки, предвкушая ещё по одному бокалу, и бармен, который напоминал молодого Марлона Брандо, был именно таким, каким представляла его Лиза.

Я осматривала толпу, зачарованно наблюдая за танцующими девушками и наблюдающими за ними мужчинами. Людям нравилось думать, что они оставили в прошлом свою животную сущность, но то, что происходило здесь, было явным брачным ритуалом.

Это было бы чертовски странным совпадением. За те шесть месяцев, что я здесь жила, я никогда его не замечала. Теперь он был в соседнем городе, в том же баре, что и я. Я старалась не спускать с него глаз, но он исчез в толпе. Он не был похож на человека, который ходит по таким барам. Ему бы больше подошёл джентльменский клуб с сигарой и бокалом односолодового виски.

«Как ты себя чувствуешь?» — спросила Лиза, стараясь перекрыть громкую музыку. «Ты выглядишь так, будто увидела привидение».

«Мне кажется, он здесь», — ответила я растерянно.

Она нахмурилась и оглянулась через плечо, хотя и не понимала, о ком речь.

«Господин Роберт, о котором я тебе рассказывала», — подсказала я.

«О, это замечательно. Ну и где же он? Покажи мне его», — моя подруга нетерпеливо вращала головой по сторонам.

«А может быть, это и не он».

«Боже мой, ты вся покраснела», — смеётся Лиза. «Он действительно влияет на тебя, даже когда его нет рядом».

Я приглаживаю волосы, хотя это только забавляет Лизу.

«Я хорошо выгляжу? — спрашиваю я. — На случай, если он придёт. Зубы не шатаются?»

Я широко улыбаюсь, стараясь скрыть за этой нелепой шуткой своё волнение. Лиза качает головой.

«Ты же не думаешь, что я бы молчала, если бы с тобой было что-то не так. Что ты вообще обо мне думаешь как о подруге?»

Я касаюсь её руки.

— Ты моя самая лучшая подруга.

— Ему лучше подойти, — говорит она. — Если он этого не сделает, то он идиот.

«Я думала, у тебя есть хорошее предчувствие по поводу этого?» — подначиваю свою подругу.

— Да, но мужчины непредсказуемы, — она оставляет это утверждение без пояснений, потому что оно не требует объяснений. Есть причина, по которой мы обе сейчас одиноки. Найти хорошего мужчину оказалось непросто, и ни у одной из нас нет терпения, чтобы заикливаться на отношениях, которые не стоят нашего времени.

Я потягиваю свой коктейль, отчаянно пытаюсь отвлечься от мысли о том, что мне, возможно, снова придётся столкнуться с тройняшками и их странной настойчивостью, и на этот раз на публике.

«Этого не было, этого просто не может быть! — шепчет мой разум. — Ты всё выдумала! Так не бывает!»

Может быть, золотой глаз был игрой света, но безумное выражение лица Харольда было настоящим, и отчаянное желание Роберта вытолкнуть меня за дверь тоже было явно не просто так.

То, как странно мы расстались, не было нормальным, тут явно что-то кроется в их странном поведении.

Я снова оглядываюсь через плечо, надеясь увидеть его в толпе, но вместо этого ловлю на себе взгляд высокого светловолосого мужчины в костюме, который стоит в группе людей. Он широко улыбается, и я инстинктивно натягиваю на лицо вежливую улыбку. Чёрт. Он подходит ко мне.

«К нам идёт мужчина», — шепчу я Лизе.

Она поворачивается с широкой улыбкой на лице, ожидая увидеть Роберта. Светлые волосы сразу выдают, что это не он.

— Привет, — говорит он. — Я Марк.

— Я Мария, а это Лиза.

— Привет, Лиза, — его взгляд скользит по моей подруге, задерживаясь на её обнажённых ногах на секунду дольше, чем нужно. Боже мой, чувак. Определись уже!

Он слегка покачивается на ногах, и пиво переливается через край стакана на пол, забрызгивая ноги Лизки.

— Господи, — восклицает она. — У тебя пиво пролилось прямо на пальцы моих ног.

— Я могу слизать это с тебя, — невнятно произносит Марк, продолжая покачиваться. Этот парень в буквальном смысле конченный придурок.

— Позволь я просто вытру твоё пиво со своих ног, но спасибо за любезное предложение, — говорит подруга недовольно.

Марк отступает назад, когда Лиза уходит, направляясь в уборную.

— Итак, ээ ка там тебя ..Марина...да? Кстати, красивое имя.

Видимо он сильно перебрал раз уже имена путает!

— Спасибо, — я потягиваю свой напиток, молясь, чтобы Лиза поскорее вернулась.

«Как ты проводишь вечер?»

«Пока хорошо. А как насчёт тебя?»

«Теперь, когда я с тобой разговариваю, уже лучше, чем было».

Мне жаль этого молодого человека. Он явно находится в состоянии алкогольного опьянения и не умеет вести себя корректно. Он привлекателен, но не в моём вкусе. Его заурядная внешность и манеры не вызывают у меня интереса.

Я здесь, чтобы встретиться со своим другом, и надеюсь, что этот молодой человек не будет задерживаться. Я оглядываюсь через плечо, молясь о том, чтобы Роберт подошёл. Глупо, конечно, желать, чтобы он прогнал этого молодого человека, но именно этого я и хочу. Я хочу, чтобы сильный и уверенный в себе мужчина пришёл и защитил свою территорию.

Что это со мной? Почему я так реагирую? Когда это я стала его территорией?

Друзья Марка подходят к нам, и Лиза приближается. Она вся покраснелась, лицо и грудь её горят.

— Ты в порядке? — шепчу я.

— У меня какая-то аллергическая реакция, — говорит она. — Должно быть, что-то было в соусе для стейка.

— Ты думаешь?

— Я не знаю. Мне нужно принять антигистаминное.

— Чёрт. Ладно.

Я встаю со стула, беру своё пальто, а Лиза надевает джинсовую куртку.

— Куда ты идёшь? — бормочет Марк, хватая меня за руку, и я замираю.

— Моей подруге нужно вернуться домой.

— Но мы только начинаем общаться.

— Прости, — говорю я, когда Лиза открывает рот, чтобы отчитать молодого человека. Он слишком пьян, чтобы злиться.

— Не извиняйся. Останься, — говорит друг, наклоняясь к ней. От него сильно пахнет пивом.

— Мы не можем, — говорю я. — Ещё увидимся.

Марк всё ещё не отпускает мою руку, и я пытаюсь её выдернуть, но он как пиявка.

Я чувствую его приближение, даже не видя его.

— Она сообщила о своём намерении уйти, — голос Роберта звучит подобно раскату грома, но спокойно, и я чувствую облегчение.

Я оборачиваюсь и вижу, как он возвышается над нами, словно неприступная стена из мускулов. Лиза переводит взгляд с Роберта на меня, и её глаза расширяются. Марк наконец-то отпускает мою руку, когда осознаёт рост и физическую мощь Роберта.

Вот что меня раздражает в этом мире. Я могу выражать свои мысли так, как мне угодно, но чтобы справляться с подобными ситуациями, мне нужен сильный мужчина рядом.

Я делаю шаг назад и оказываюсь прижатой к твёрдому телу Роберта. Его запах окутывает меня, возвращая в мир моих фантазий, переполняя мои чувства. Всё в нём сводит меня с ума.

Лиза смотрит на нас, приподняв брови. Заметила ли она, насколько я спокойна в его присутствии? Может ли она видеть, что я чувствую? Уравновешенность. Безопасность. Устойчивость. Присутствие. Всё это безумие. Тело человека не может знать тело другого человека так, как моё тело чувствует тело Роберта.

Он кладёт свою большую руку мне на бедро, горячую, как клеймо, успокаивающую, как тяжёлое одеяло.

— Ребята, вам пора двигаться дальше, — говорит он Марку и его друзьям. Он говорит это без агрессии, но его смысл предельно ясен. Если вы не пойдёте дальше, я вас заставлю.

Мои трусики внезапно становятся влажными.

Интересно, сказал бы он что-то подобное в спальне? «Пора раздвинуть ноги, Мария». «Пора показать мне свою красивую киску». «Пора вынуть мой член». «Пора вытряхать из меня сперму».

О, друг мой, что ты делаешь со мной!

Должно быть, у тебя очень мощные феромоны, ибо я совершенно теряю рассудок. Я поворачиваюсь и вытягиваю шею, чтобы взглянуть на тебя, и вижу твой свирепый и убийственно прекрасный взор. Я почти теряю сознание, когда твоя рука сжимает мою плоть, но твой взгляд не отрывается от мужчин перед нами. Ты так сильно стискиваешь зубы, что дёргается твоя борода.

Марк что-то бормочет себе под нос, но его друг, который кажется более трезвым, уводит его в сторону. Краем глаза я замечаю Ивана и Харольда на другой стороне танцпола, но не обращаю на них внимания. Даже просто взглянув на них и почувствовав их присутствие на периферии зрения, я ощущаю жар и беспокойство.

— Благодарю, — говорю я, ожидая, что Роберт отпустит меня. Его пальцы сжимаются, но вместо того, чтобы отпустить меня, он кладёт другую руку мне на талию и наклоняется к моему уху.

— Пора возвращаться домой, Мария!

Я вздрагиваю от звука его голоса и жара его дыхания на моей коже. Я закрываю глаза, вдыхая его запах, позволяя его близости окутать меня. Мои нервные окончания вспыхивают, как светлячки в полночь. Я была бы как воск в его руках.

Однако у меня никогда не будет возможности узнать, насколько он властен и могущественен.

— Да, — шепчу я. Мой голос теряется в музыке, но он слышит меня и выпрямляется, отпуская меня.

— Я провожу тебя. Его рука на моём локте обжигает, и я невольно двигаюсь.

Лиза следует за мной, глядя на меня широко раскрытыми, недоверчивыми глазами.

Снаружи Роберт прикладывает телефон к уху.

— Да. Синий зал.

Он убирает телефон в карман.

— Такси будет здесь через пять минут.

— Тебе не нужно было этого делать, — говорю я.

— Как ты узнал, что нам нужно такси? — спрашивает Роза.

— Простите, Лиза, это Роберт. Роберт, это Лиза. — Я машу им обоим.

— Две порции выпивки в баре, — Роберт засовывает руки в карманы и расставляет ноги, загораживая нас от ветра.

Между нами повисает тишина, когда Лиза прижимает руку к груди.

— Всё ещё плохо, — говорю я. — Интересно, что это было.

В этом небольшом городке, где я живу, мой магазин расположен в самом конце главной улицы. Это скромное помещение, не слишком просторное, с узким окном, в которое я выставлю свои товары. Внутри же находится настоящая сокровищница замков, ключей, дверных ручек и навесных замков. У меня даже есть специальный станок для изготовления ключей. Именно здесь я чувствую себя как дома.

Сегодня я занимаюсь инвентаризацией. В последнее время я установила много замков, и мне нужно пополнить запасы. Прежде чем отправиться в свой магазин, я оставляю машину и перехожу дорогу к продуктовому магазину, расположенному напротив. Мне нужно купить обед и некоторые чистящие средства.

Неприятная сторона инвентаризации — это необходимость избавляться от пыли, накопившейся в магазине. Тележки стоят прямо у двери, я беру одну из них и захожу внутрь. Из динамиков, расположенных в потолке, звучит тихая музыка, и я хожу по магазину, выбирая нужные вещи. В это время в моей голове проносятся воспоминания о событиях прошлой ночи.

Я стою у прилавка с мясом, когда слышу знакомый голос: «Стейк и лосось, пожалуйста».

Когда я оборачиваюсь, поражённая этой неожиданной встречей, я оказываюсь лицом к лицу с тройняшками Борнами. Клянусь, тот, кто увидел меня первым, тихо рычит. Харольд.

— Привет, — я слегка машу им рукой, и моё сердце странно сжимается в груди, а затем пытается вырваться из своей рёберной тюрьмы. Они выглядят невероятно хорошо и невероятно свирепо.

Сила, с которой нужно считаться любому.

Роберт сменил свои тёмные брюки и свитер на джинсы, ботинки и тёмно-синюю куртку. На Иване более светлая рубашка, а Харольд одет во всё чёрное. Их шоколадные глаза скользят по моим джинсам и розовой майке, словно изучая все мои изгибы и выпуклости, чтобы исследовать их позже. Они выглядят голодными, как медведи.

В таком людном месте мне ничего не угрожает, но воспоминания о вчерашнем странном происшествии с глазами всё ещё свежи, и от них у меня по спине бегут мурашки.

Роберт быстро кладёт руку на плечо Харольда. Он немного шире Роберта, у него ещё более растрёпанные волосы, чем у братьев, и более жёсткие черты лица. У Роберта знакомая складка между бровями. Тройняшка позади, который дьявольски ухмыляется мне, — это точно Иван.

Попытка понять, на кого из них я смотрю, похожа на игру «Угадай, кто это».

Это мужчина? Да. Он выглядит как хищник на охоте. Роберт. Он выглядит так, будто хочет съесть твою печень? Харольд. Он выглядит так, будто ты только что пощекотала его яйца? Иван.

Я приказываю своему разуму успокоиться, когда кровь приливает к моим щекам.

— Да, тихо, ты не здесь, — шипит Роберт на Харольда.

— Она... нам нужно сказать ей, — шепчет тот.

Роберт качает головой.

— Рад снова тебя видеть, — говорит он мне. — Нам пора идти.

Хантер смотрит мне в глаза, и тьма в его взгляде пугает меня так же, как если бы я стояла у входа в неизведанную пещеру. От его пристального взгляда у меня по спине бегут мурашки. У него нет причин желать мне зла. Я всего лишь слесарь, и я не сделала ничего, что могло бы вызвать неприязнь у братьев Борн.

Роберт, кажется, кивает головой, словно говоря мне, чтобы я шла дальше, поэтому я беру упаковку бекона, за которой пришла, и ухожу. Я не прощаюсь, потому что всё это кажется слишком странным, но когда я отхожу от него на десять шагов, Иван напевает: «Увидимся». Я чуть не подпрыгиваю. В его словах есть что-то определённое, как будто мы точно встретимся снова.

Я быстро расплачиваюсь за свои покупки и перехожу дорогу, желая как можно скорее попасть в своё безопасное место. Что бы ни было не так с Харольдом, Роберту, кажется, нужно сдерживать его всякий раз, когда я рядом. То, что я увидела, если это действительно было не плодом моего воображения, произошло только тогда, когда Харольд вошёл в дверь. Это был он или что-то связанное с тем, что тройняшки были вместе? Я качаю головой, отпирая свой магазин и быстро закрывая за собой дверь.

Братья Борны вызывают тревогу. Может быть, меня пугает то, что они живут в таком отдалённом месте. Или то, что их трое и они так похожи друг на друга. Разве тройняшек в старину не показывали в шоу уродов? Люди всегда находили их немного пугающими.

И всё же я нахожу их странными и притягательными.

Телефон прерывает мои мысли, и я записываю подробности ещё одной чрезвычайной ситуации с замком. Мужчина захлопнул дверь своего дома на окраине города. Он находится на полпути между моим домом и особняком Борнов. Я повесил на дверь табличку «вернусь через час», и теперь мои планы по инвентаризации досадно откладываются.

Чтобы добраться до этого места, нужно пятнадцать минут. Оно уединённое, расположено на грунтовой дороге за стеной раскачивающихся на ветру деревьев. Мой автомобиль трясётся на каменистой земле, и моё беспокойство нарастает. До вчерашнего дня моя работа не казалась мне опасной. Я живу в маленьком городке, где чувствую себя комфортно и защищённо от ужасов остального мира, но сегодня всё по-другому. Несмотря на то, что Борны были очень вежливы, они не выходят у меня из головы. Всё, что, по моему мнению, делает их странными, может быть просто моим предубеждением. Я качаю головой. Они просто мужчины, чьи яйцеклетки разделились в утробе матери. Возьми ты себя в руки.

В конце подъездной дорожки возникает фигура мужчины, восседающего на крыльце. Его облик внушает почтение своими внушительными размерами и грубостью черт. Одет он в поношенные джинсы и ботинки, а его седые волосы, кажется, не стриглись уже долгое время. В его лице присутствует нечто волчье, а в остекленевших желтоватых глазах — нечто недоброе.

Он поднимается, когда я подъезжаю ближе и паркуюсь, но ждёт у двери, пока я собираю инструменты и новые замки, необходимые для работы.

«Приветствую вас», — говорю я. «Прошу прощения за ожидание».

Его взгляд скользит от моего лица вниз по телу. В моём облике нет ничего примечательного: мой наспех надетый комбинезон не может быть назван привлекательным, но, похоже, это не имеет значения для него. Теперь я чувствую себя так же неуютно в присутствии этого мужчины, как в магазине в присутствии братьев Борн, когда они рассматривали меня.

«Как я понимаю, вы уже убедились в том, что здесь нет открытых окон, через которые можно было бы проникнуть в дом и открыть дверь изнутри?» — спрашиваю я этого хмурого мужчину.

Мужчина кивает. «Всё надёжно заперто».

— Хорошо, тогда давайте просверлим эту дверь, и вы войдёте внутрь.

Он кивает и смотрит, как я поднимаюсь по лестнице к двери. Сама дверь выглядит не лучшим образом: краска облупилась, а в нижней части дерева видна гниль. Ступени грязные, с грязью и листьями там, где мне нужно будет разместить свои вещи. Всё это место, включая мужчину, производит удручающее впечатление. Я осматриваю замок, проверяя, подойдёт ли тот, который я принесла с собой, для замены.

Мужчина позади меня откашливается, и, обернувшись, я вижу, что он подошёл ещё ближе. Странно близко.

— Мне просто нужно взять кое-что в своей машине, — говорю я, инстинктивно пытаюсь увеличить расстояние между нами.

— Мне нужно попасть внутрь, — говорит он, и я напрягаюсь. В его голосе слышится настойчивость, которая кажется неуместной. Этот человек странный, и ситуация не очень хорошая. Возможно, это не его дом. Это всегда риск при такой работе.

— Я вернусь через минуту. Я беру свои инструменты и возвращаюсь к машине, открываю багажник. Я кладу инструменты на землю и ищу ключи. Мне хочется уйти отсюда. Мне всё равно, согласилась ли я на эту работу. Я оглядываюсь туда, где стоял мужчина, но его там уже нет... и он прямо за мной.

«Что ты делаешь?» — злобно шипит он.

Чёрт. Мои руки дрожат. «Мне нужно вернуться в магазин... Я не взяла нужные инструменты и замок. Мне нужно купить ещё кое-что», — говорю я. Дрожь в моём голосе очевидна и выдаёт моё состояние страха.

Мужчина ухмыляется, и его узкие коричневые зубы выглядят отвратительно.

— Я не дурак.

Я качаю головой.

— Я не говорила, что вы... Я просто... я ошиблась.

Листья хрустят под ногами, когда я делаю два шага назад к водительской двери моей машины. Если я смогу подойти достаточно близко, то запрыгну внутрь и уеду. Я должна это сделать. Но мужчина идёт за мной, и моё сердце колотится в груди, как барабан. О боже, мне хана!

Я берусь за ручку дверцы своей машины, но прежде чем успеваю её открыть, мужчина хватается меня за запястье.

— ТЫ НИКУДА НЕ ПОЕДЕШЬ!

Слюна летит из его рта и попадает мне на щеку. Я пытаюсь выдернуть руку, но он сильный и нависает надо мной, и паника, охватившая меня, вытесняет все связные мысли.

— ОТПУСТИ МЕНЯ! — кричу я, но у меня перехватывает дыхание, и мой голос звучит слишком испуганно, чтобы это возымело какой-то эффект.

Он ухмыляется и сжимает моё запястье так сильно, что я вскрикиваю от боли.

— Ты пойдёшь со мной, — радостно шипит он.

То, как он смотрит на меня, кажется сексуальным, и от мысли, что это может перерасти в серьёзное физическое насилие, у меня сводит живот. Но что я могу сделать? Я не могу бороться с ним. Он слишком силён. Я не могу уйти. Я в глуши. Никто не знает, где я и когда вернусь.

Я спотыкаюсь, когда он тащит меня обратно к дому. На ступеньках я спотыкаюсь, падаю на колени и пытаюсь встать, но прежде чем мне это удаётся, нас отвлекает хруст листьев позади нас. Мужчина оборачивается ко мне, и его резкий вдох заставляет меня тоже обернуться.

И то, что я вижу, вызывает у меня совершенно иной уровень страха.

Огромные медведи! Боже мой! Два огромных неуклюжих медведя. Ну что за день такой, если меня не убьют, то съедят точно.

Я поднимаюсь на ноги, а мужчина пятится к дому, подняв руки, словно это остановит медведей. Но это не помогает. Я отступаю, ударяясь о дверь, но мне некуда идти. Я отхожу в сторону, думая, что если подойду достаточно близко, то смогу добежать до своей машины. Медведи двигаются медленно и вальяжно, но при необходимости могут и побежать. Страх уступает место ощущению неизбежности. Я не справлюсь. Их слишком много, и они рычат и плюются, истекая слюной.

Но я должна попробовать.

Мой взгляд устремляется на огромных хищников. Первый из них ставит лапу на ступеньку, и это всё, что я успеваю увидеть, прежде чем побежать.

Возможно, бегство — не лучший выход. В парке рядом с моим домом собаки бегали без поводков. Однажды летним вечером, когда мне было восемь, большая собака начала лаять на меня, и я убежал от страха. «Беги, и они подумают, что ты хочешь поиграть», — крикнула мне мама, когда я рыдала, а хозяин схватил собаку. Я помню, как вытирала сопли о подол рубашки, а мама морщила нос, словно учуяла что-то неприятное.

Когда ты бежишь, ты становишься добычей. Но мои реакции не рациональны, и в этой ужасной ситуации мной управляет инстинкт.

Раньше я хотела прижаться к медведям из маминих снов, чтобы справиться с одиночеством, но теперь, когда я увидела одного из них в реальной жизни, я не могу понять, как я вообще могла хотеть оказаться так близко к такому свирепому хищнику.

Листья и земля хрустят у меня под ногами, издавая достаточно шума, чтобы медведи наверняка услышали мои шаги. Я слышу, как мужчина кричит, чтобы они уходили, а затем раздается пронзительный крик, от которого у меня сводит живот, и я чувствую вкус желчи во рту.

В этом крике есть ужас. И боль. Так много боли и животного страха.

Я бегу быстрее, чем когда-либо прежде, но не так, как планировала. К моей машине не подобраться, пока медведи рядом. За домом есть лес, и туда меня несут ноги. Ветки царапают мне ноги, а лодыжка болит от того, что я спотыкаюсь на неровной земле. Гибкие ветви маленьких кустов царапают мне лицо и руки, пока я пытаюсь убежать как можно быстрее, но ничто из этого не заставляет меня остановиться. Это мой единственный шанс.

Крики продолжают, смешиваясь с рычанием и ворчанием, и я бегу быстрее. У меня горят лёгкие, а сердце, кажется, вот-вот разорвётся, но я продолжаю бежать. Неистовый хруст приближается, земля дрожит под ногами. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, что там, боясь, что медведь учуял мой запах и преследует меня в лесу, но вижу совсем другое. Это один из братьев Борн, бегущий так быстро, как только может.

— Остановись, — рычит он. — Мария, всё в порядке. Тебе не нужно убегать.

— Там медведи! — кричу я, а ноги несут меня так быстро, как только могут. Мои мышцы устали, поэтому я замедляю шаг.

«Всё в порядке. Они ушли», — спокойным и ровным голосом говорит он.

Он почти догнал меня; вот насколько быстрее он может бежать, и он почти не запыхался. Он протягивает руку и хватается за талию, останавливая с неестественной силой. От скорости моя голова мотается вперёд-назад, и он прижимает меня к своей груди, обнимая. Мои лёгкие вздымаются, пытаюсь набрать достаточно воздуха, и я упираюсь в него руками, чтобы отодвинуться.

— Там медведи, — задыхаюсь я. — Два медведя. Они напали на человека. Они учуют наш запах. Нам нужно уходить.

Это Иван, и он ухмыляется, медленно и лениво, его глаза тоже улыбаются.

— Медведи ушли, Маша. Я их спугнул.

— Ты их напугал? У меня дрожат руки от адреналина, но я начинаю выходить из режима «бей или беги». Почему Иван здесь? И как он смог отпугнуть двух огромных медведей да ещё и за такое короткое время?

Иван кивает и облизывает губы, протягивая руку, чтобы коснуться моей.

— Теперь всё в порядке. Просто возвращайся со мной. Ты в порядке. Тебе нечего бояться.

Я делаю шаг назад, и вокруг меня возникает образ леса. Порыв ветра взъерошивает мои волосы, и я невольно вздрагиваю. Я хочу довериться этому незнакомцу, но я не знаю его, и в этом пустынном месте я ощущаю себя более уязвимой, чем когда-либо прежде.

Уважаемые читатели, не забывайте подписываться на автора и ставить звездочки!

Часть 3

Маша

— Там были медведи! — задыхаясь, сбивчиво кричу я охрипшим голосом. — Там были два больших медведя! Они напали на человека! Они учуют наш запах! Нам нужно бежать отсюда! — мои глаза в этот момент, наверное, вылезли из орбит.

Иван ухмыляется своей неизменной улыбкой, двигается медленно и лениво.

— Медведей уже нет, Маша. Я их спугнул.

— Чего? Ты их напугал? У меня дрожат руки от адреналина, но я начинаю выходить из режима «бей или беги». Почему Иван здесь? И как он смог отпугнуть двух огромных медведей за такое короткое время? И почему он так спокоен?

Иван кивает и облизывает губы, протягивая руку, чтобы коснуться моей.

— Теперь всё в порядке, девочка. Просто возвращайся со мной. Ты в порядке. Тебе нечего бояться и некого.

Я делаю шаг назад, вокруг меня вырисовывается лес. Порыв ветра треплет мои волосы, и я вздрагиваю. Я хочу довериться этому мужчине, но я его не знаю и чувствую себя более уязвимой в этой лесной глуши, чем когда-либо прежде.

— Всё в порядке, Маша. Я отведу тебя обратно к твоей машине и провожу в город.

— Мне нужно пойти в полицию! — говорю я. — Я должна сообщить о случившемся.

Иван осторожно берёт меня за руку и ведёт обратно к дому. Тот мужчина всё ещё там? Медведь его убил?

— Там был мужчина, — говорю я. — Медведь... он...

— Я не видел там человека, — говорит Иван. — Медведи просто искали там еду в мусорных баках.

— Нет там был мужчина. Я приехала сюда, чтобы сменить его замок, но он был... он был... — меня накрывает, я давлюсь рыданиями и не могу выговорить остальные слова.

Иван кладёт руку мне на плечи, притягивая ближе к себе. От его рубашки пахнет сосновыми шишками и зимним морозом, хотя он такой тёплый.

— Всё в порядке. Тебе не о чем беспокоиться.

«Но я должна сообщить в полицию», — как заведённая, повторяю я.

Мы приближаемся к дому, и я лихорадочно оглядываюсь по сторонам, желая убедиться, что меня не поджидает опасность в виде стаи медведей. Я сомневаюсь, стоит ли доверять этому парню, но какой у меня есть выбор? Я не смогу убежать от него. Но почему он здесь?

— Что ты им скажешь? — спрашивает он. Он пожимает плечами, как будто идея что-то им говорить бессмысленна.

— Ты не понимаешь. Медведи убили его. Я слышала крики. Такие ужасные крики. Я обхватываю голову руками, и воспоминания об этом ужасном звуке снова будто пронзают мои уши.

— Здесь никого не было, Мария. Только несколько медведей забрели сюда в поисках еды.

Я хмурюсь, потому что точно знаю, что это неправда. Крики, которые я слышала, были полны боли. Мог ли человек так кричать и убегать до прихода Ивана?

Но зачем ему лгать? Я смотрю на него, и его лицо бесстрастно, как будто ему нет до меня никакого дела. Как будто всё, из-за чего я запаниковала, было плодом моего воображения.

— Там были медведи! - пытаюсь ему объяснить опять

Иван улыбается. «Просто у медведей плохая репутация, — говорит он. — На самом деле они не интересуются людьми. Они приходят за едой, которую люди оставляют после себя».

Я не уверена, говорит ли он серьёзно. Я видела статистику о смертях людей от нападений медведей, и они ведь хищники. А люди сделаны из мяса, и вполне себе съедобного.

Мы почти у дома, и я оглядываюсь по сторонам, почти уверенная, что мы услышим хруст лап по листьям и нам снова придётся бежать. Моя машина уже видна. Думаю, я могла бы добежать до неё, если бы медведи были там. Но вместо медведей я вижу только Роберта и Харольда, которые опираются на то, что, как я могу предположить, является их машиной. Это огромный чёрный грузовик, такой же мрачный и зловещий, как их дом, и такой же мощный.

Лицо Роберта серьёзное и обеспокоенное. Он подходит ко мне, кладёт руки мне на плечи и осматривает меня с головы до ног.

— Ты в порядке?

Я киваю, чувствуя, как от его беспокойства у меня в горле встаёт ком. Прошло так много времени с тех пор, как кто-то беспокоился обо мне, и я просто не могу этого принять.

«Что ж, к счастью, видимо, обошлось».

Я оглядываюсь через плечо Роберта и вижу, что Иван тихо разговаривает с Харольдом, а тот смотрит на своего брата, но затем переводит взгляд на меня, и я замираю под его пристальным взглядом. Кажется, он становится выше у меня на глазах, распрямляет плечи, высоко держит голову, и я не могу отвести взгляд.

Харольд пристально смотрит на меня. Его взгляд кажется темнее, голоднее. Иван встаёт между нами, и Харольд сжимает кулаки по бокам, словно едва сдерживается. На самом деле, то, как он стоит и почти рычит, напоминает мне медведя, вставшего на задние лапы.

Я отступаю на шаг от Роберта, который, оглянувшись через плечо, поворачивается ко мне спиной, становясь между своими братьями и мной.

— Тебе лучше уйти, — говорит Роберт. — Садись в свою машину и уезжай.

Его голос звучит настойчиво. Интересно, а он видел медведя?

Я бегу к своей машине, запрыгиваю внутрь, хватаю сумку и нащупываю ключи, запирая двери. Чёрт, чёрт! У меня так сильно дрожат руки, что я с трудом вставляю ключ в зажигание, и мне приходится держаться за руль, чтобы не упасть. Я выезжаю оттуда на полной скорости, прежде чем мне приходит в голову оглянуться.

Когда я смотрю в зеркало заднего вида, я не вижу медведей.

Я не вижу, как братья Бьёрн запрыгивают в свои грузовики.

Я вижу, как Роберт и Иван удерживают Харольда, который смотрит вслед моей машине, и его глаза снова вспыхивают золотом.

По пути в город меня одолевают противоречивые чувства: то я дрожу от страха и плачу, то меня охватывает странная эйфория от осознания того, что я избежала опасности.

Этот маньяк, этот извращенец, не причинил мне вреда. Он явно намеревался меня изнасиловать. Возможно, он видел, как я приезжаю чинить замки, и заманил меня в хижину, заказав вскрытие замков. Хитрый ублюдок! Меня начинает трясти при мысли о том, что он мог бы сделать со мной, если бы ему удалось удовлетворить свою мерзкую похоть. Вероятно, он бы просто прикопал меня где-нибудь в лесу, и никто бы меня не нашёл.

Но медведи не причинили мне вреда, и они спасли меня.

Братья Борн тоже не причинили мне вреда, и теперь я в безопасности.

Я останавливаюсь перед своим магазином, опускаю лицо в ладони и делаю глубокие вдохи, пытаясь успокоить бешеное сердцебиение. Всё тело болит от быстрой и тяжёлой пробежки. Брюки испачканы листьями, кроссовки в грязи, но я жива и здорова.

Я действительно в порядке.

Прежде чем открыть дверь, я оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что вокруг нет ничего опасного. Что я ожидаю увидеть? Медведей в центре города? Это маловероятно. Может быть, маньяк вернётся, чтобы угрожать мне? Возможно. Он позвонил мне, значит, он знает

адрес моего магазина и не получил того, что хотел. Если он сможет сбежать от медведей, есть вероятность, что он придёт сюда. Шанс, который кажется маловероятным.

Я не могу так жить. Мне нужно работать, чтобы иметь средства к существованию. Может быть, мне стоит обратиться в полицию, но что я им скажу? Однажды местный шериф сказал женщине, ставшей жертвой домашнего насилия, что ей, возможно, стоит научиться лучше готовить. Этот человек и в лучшие времена не вызывал доверия. Я не хочу идти к нему с историей о плохом человеке и медведе, которая больше похожа на сказку, чем на реальность. Он не воспримет меня всерьёз. На самом деле, я почти уверена, что он просто отмахнётся от меня, как от очередной истеричной женщины.

Я снова оглядываюсь по сторонам и тереблю дверную ручку. Я могу это сделать. Я должна это сделать. Ни один большой и сильный мужчина не проводит меня до магазина. Если я хочу закончить инвентаризацию и ответить на другие звонки, мне нужно зайти внутрь.

И тут я вспоминаю, что оставила свои инструменты на земле за машиной.

Блядь! Ну всё! Приехали!

Инструменты для взлома стоят недёшево, но я не могу вернуться туда, чтобы забрать их. Там может быть тот озабоченный маньяк или медведи. Я не могу позволить себе покупать всё заново прямо сейчас. Я в тупике.

Я в отчаянии распахиваю дверь и, выбираясь из машины, сталкиваюсь лицом к лицу с Робертом.

Три раза за один день.

Моё сердце замирает, воспоминания о страхе всё ещё живут в каждой клеточке моего тела. Он кивает, но не улыбается, оставаясь серьёзным и внимательным.

— Ты забыла свои инструменты, — говорит он мне и поднимает руку, показывая, что несёт мой драгоценный груз. Я испытываю такое облегчение, что мне хочется его обнять. Облегчение от того, что мне не придётся выкладывать целое состояние, чтобы вернуться к работе, и облегчение от того, что он здесь и я не одна.

В конце концов, на помощь мне пришёл большой сильный мужчина. Не совсем рыцарь в сияющих доспехах, но сойдёт.

«Спасибо тебе», — говорю я.

У меня такое чувство, что Роберту не понравится, если я его обниму. В моей голове промелькнуло воспоминание о комнате, которую он так отчаянно пытался спрятать под замком, и я вздрогнула.

— Не хотите зайти? — Я указала на свой магазин и заметила, как Роберт бросил взгляд на свою машину. Мне слишком страшно заходить одной. — Я могу быстро приготовить нам кофе. У меня есть печенье. В качестве благодарности.

Тёмные глаза Роберта встречаются с моими, пытливыми и напряжёнными, но прежде чем он успевает сказать «нет», я протягиваю руку и касаюсь его плеча.

— Пожалуйста.

Неважно, что заставило его передумать — мои мольбы или физический контакт, — потому что, когда он кивает, меня захлестывает огромное чувство облегчения и предвкушения.

Я вожусь с ключами у двери, и мои руки так сильно дрожат, что выдают меня. Однако Роберт ничего не говорит. Вместо этого он мягко забирает ключи у меня из рук и открывает дверь.

Он заходит за мной в магазин и кладёт мои инструменты на прилавок, оглядываясь на витрины с замками и ручками. Ему так же нравится поворачивать ключ в замке, как и мне? Сейчас я бы сделала что угодно, лишь бы узнать, что творится у него в голове.

Я суежилась на кухне, дрожащими руками готовя кофе и печенье.

Не то чтобы я не доверяла ему. Мужчине с таким большим домом незачем меня обворовывать. К тому же он излучает благородство, как дорогой эксклюзивный одеколон. Я просто не

хочу упустить возможность побыть с ним рядом и, может быть, снять с него часть защитного слоя.

Забирая печенье, я останавливаюсь на мгновение, чтобы окинуть взглядом его фигуру. Тёмные волосы, достаточно длинные, чтобы завиваться, широкие плечи и мощные руки, которые могли бы легко поднять меня. Огромные ладони, которые могли бы прижать меня к себе именно так, как я себе представляла. Он достаточно силен, чтобы я чувствовала себя в блаженном, незащищенном состоянии, даже после всего.

— Что там произошло? — спрашивает он, словно чувствуя мой взгляд.

— Плохой вызов, — отвечаю я. — Я почти сразу всё поняла, но не доверилась своей интуиции.

— Да. Тебе нужно лучше это делать. — Он поворачивается ко мне лицом и пожимает плечами, как будто я должна принять его комментарий спокойно, без осуждения. Или дело в чём-то другом?

В моей голове всплывает образ Харольда в лесу, и то, как его братьям пришлось вмешаться, чтобы успокоить его. У него что-то вроде расстройства ярости? Или психическая нестабильность?

Я отрываюсь от своих мыслей, чтобы принести кофейные чашки, и Роберт с благодарностью берёт свою. В моём магазине холоднее, чем мне нравится. Я не успела прогреть его этим утром перед тем, как выбежала из дома, и от холода мы держим кружки обеими руками.

— Итак, ты собираешься сообщить о том, что произошло? — спрашивает Роберт.

Я качаю головой, и его брови поднимаются.

— Шериф — не тот человек, которого ты захочешь видеть на своей стороне в любой драке. И я не хочу его злить. Но, возможно, мне придётся это сделать, если тот человек вернётся.

Роберт качает головой.

— Тебе не нужно об этом беспокоиться, — говорит он.

— Почему? — я хмурюсь.

Иван отрицал, что вообще видел этого человека.

Роберт вновь качает головой.

— У меня такое чувство, что он не осмелится вернуться.

Я не уверена, что этого достаточно для моей безопасности, и откуда Роберт знает об этом человеке, если Иван сказал, что видел только медведей? Разве они не приехали на одном грузовике?

Внутри меня поселилось тревожное чувство, словно крошечная заноза, невидимая невооружённым глазом. В этом странном происшествии гораздо больше странностей, чем кажется на первый взгляд. По крайней мере, на мой взгляд!

— Где твои братья? Разве вы, ребята, не всегда путешествуете вместе?

Роберт мягко усмехается.

— Ну, мы же не стая, нет. Они ушли домой.

«Чтобы Харольд мог грызть кость?»

Выражение лица Роберта бесценно, прежде чем он фыркает от смеха. Он не объясняет странное поведение своего брата, а мне не хватает смелости спросить, поэтому мы неловко стоим какое-то время.

Как они добрались до дома, если Роберт взял грузовик? Я могла бы спросить, но сомневаюсь, что он даст мне прямой ответ. Его взгляд задерживается на моём лице, а затем опускается на мои губы. Я перестаю дышать, ожидая поцелуя, но вместо этого он ставит свой кофе на стол и опускается передо мной на корточки.

Роберт приподнимает ткань моих свободных брюк, пока я стою, застыв на месте. Тревога, исходящая от меня, отдаётся в моей голове, как звуковой удар. Внутри я настолько взвинчен, что готов сорваться, но я стараюсь держать себя в руках.

Я смотрю в её красивые голубые глаза и вижу, что они широко распахнуты от страха. Если бы я уже не разобрался с причиной её страха, то прямо сейчас отправился бы на его поиски.

— У вас есть аптечка первой помощи?

Она моргает в замешательстве, а затем, кажется, приходит в себя.

— За стойкой.

Я поднимаюсь, снова нависая над ней, и ищу то, что мне нужно. Моя кожа словно вибрирует от нашей близости. Мои губы жаждут прикоснуться к её губам. Мои руки зудят от желания коснуться её самых нежных, самых сладких мест.

Ничего подобного я никогда раньше не испытывала.

Слова Харольда крутятся у меня в голове.

Он утверждает: «Она — наша судьба».

И я уверен, он прав — в этом нельзя усомниться, — но теперь, когда она здесь, мы спорим из-за того, как с ней обращаться. Она совсем не такая, какой я её себе представлял, и в то же время она — всё, чего я только мог желать. Мария — это подарок, который я боюсь разворачивать, потому что то, что скрывается под красивой обёрткой, более захватывающе, чем я мог себе представить.

Я опускаюсь перед ней на колени и задираю ей штаны, чтобы было удобнее работать. Она судорожно вздыхает, словно мои нежные прикосновения действуют на неё. При виде её порезов и синяков меня охватывает ярость. Мы должны были быть там, чтобы защитить её. Мы едва приехали слишком поздно.

Это больше не повторится.

Я наношу немного антисептика на ватный диск и аккуратно смываю засохшую кровь и грязь. Мария вздрагивает, но в основном лежит неподвижно. Её лодыжки изящные, кости хрупкие под кожей, так непохожие на мои мускулистые руки. Я мог бы легко обхватить её икры пальцами, чтобы удержать. От этой мысли меня бросает в дрожь, но я прикусываю губу. Девушка ранена, а я думаю о непристойностях.

После обработки антисептиком я нахожу пластыри, чтобы заклеить самые глубокие порезы. Когда я почти заканчиваю, я поднимаю взгляд и вижу, что она смотрит на меня, приоткрыв свои красивые розовые губы, а мягкие золотистые локоны обрамляют её лицо, словно нимб. Она ангел, а я дьявол — я зверь, который пытается себя контролировать.

Когда последний пластырь на месте, у меня больше нет причин оставаться у её ног, но я не могу заставить себя подняться. Пока нет. Я нежно прижимаю руку к её коже, и биение её крови под моей рукой звучит как колыбельная.

«Благодарю тебя», — тихо шепчет она.

Её облик манит меня, подобно тому, как музыка заклинателя манит замороженную змею. Мне хочется ласкать её кожу, ощущать соль её пота, находить сладость между её бёдрами и вкушать её. Я жажду раскрыть её, как страницы книги, и погрузиться в мир её историй.

Она подобна наркотику, опьяняющему и чарующему.

«Роберт?» — вопрошает она.

Её голос выводит меня из задумчивости.

— Да, — отвечаю я, поднимаясь и отступая на несколько шагов, чтобы между нами образовалось расстояние, иначе я могу потерять рассудок.

Её глаза кажутся такими же остекленевшими, как и мои, обычно ясные голубые глаза расширены, зрачки потемнели.

— Порезы скоро заживут, — говорю я, и мой голос звучит так, будто я проглотил гравий.

Она подносит кружку к губам и делает шумный глоток, и у меня пересыхает в горле.

— Итак, ты запер свою комнату? — спрашивает она, и её вопрос застаёт меня врасплох, и я морщусь, прежде чем взять себя в руки.

— Твой новый замок работает безупречно, — отвечаю я.

Мария опускает плечи.

— Я бы хотела, чтобы тебе не пришлось этого делать, — говорит она, теребя локон, а я переминаюсь с ноги на ногу.

Мне не следует чувствовать неловкость, говоря об этом, но я чувствую. Это часть меня, которая так долго казалась неправильной.

— Но ты всё равно считаешь меня уродливой, — качаю я головой, но не отвожу взгляда. Между нами пробегают искра, словно удар молнии.

— Нет! — вырывается из неё с гневом. — Нет, не хочу. Совсем не хочу.

— Ты просто говоришь так из вежливости, — отвечаю я.

Взгляд Марии устремляется в угол магазина, словно она обдумывает, что сказать дальше.

Если она действительно наша судьба, то то, что находится за запертой дверью, не должно её отталкивать. Мы должны быть созданы друг для друга во всех смыслах. Вот что значит быть предназначенными друг другу. Но верить в то, что такая женщина, как Мария, такая милая и невинная на вид, может когда-нибудь захотеть фантазий, которые преследуют меня и моих братьев, — это слишком.

Она на мгновение закрывает глаза. Открыв их, она сосредотачивается на мне, напрягая челюсть.

— Когда ты позвонил мне, чтобы я поменяла тебе замки... я фантазировала.

При одной мысли об этом я шумно вдыхаю воздух.

— В моих фантазиях я была прикована наручниками к кровати, такой же, как у тебя в комнате, а незнакомец делал то, что ты любишь, — она не шевелится, но кажется, что мы становимся ближе, и слова, которые она произносит, притягивают нас друг к другу с магнетической силой. — Я никогда никому не рассказывала о своих фантазиях.

— Тебе не следует так говорить, — хрипло отвечаю я. — Ты меня не знаешь... Ты не знаешь моих братьев.

Если бы она знала, кто мы такие и чего хотим от неё, она бы убежала куда подальше. Она бы заперлась во всех замках в этом магазине. Она бы нашла любой способ не поддаваться нашим желаниям. Но она не знает, и пока я не смогу объяснить Харольду, что к ней нужно подходить осторожно, я не знаю, как действовать дальше.

«Все мы чужие друг другу, пока не станем своими, — говорит она. — У меня нет скрытых мотивов. Я просто хочу, чтобы ты понял, что ты не один в своих чувствах и желаниях».

Чувствовать, что я хочу сорвать с неё одежду руками и зубами? Чувствовать, что я хочу взять её так, чтобы она неделю не могла ходить? Чувствовать, что я хочу оставить на её коже розовые рубцы, покрыть её своей спермой и пометить своим запахом? Да, я не могу представить, что она чувствует что-то из этого.

— Думать о чём-то — это одно. А делать — совсем другое. Поверь мне. — Я отворачиваюсь, потому что смотреть на неё во время этого разговора слишком тяжело. Моя рука тянется к скользящему замку, и я нежно провожу по нему пальцами, ощущая прохладу металла. Вот что я люблю. Непокколебимое ощущение металла, скольжение замка, власть над ним и подчинение, которое он обеспечивает.

Это извращённо, но только полное подчинение женщины позволяет мне держать зверя в клетке. Пока я контролирую её, я контролирую все свои низменные желания. Я никогда не позволю себе проявить худшие стороны, пока женщина бессильна.

Мария аккуратно ставит чашку с кофе на стол и подходит ближе.

— Ты... у тебя... — мой голос срывается, и я не могу заставить себя закончить вопрос. Если эта часть её довольствуется фантазиями, а не реальностью, я буду раздавлен. Закрывать

и запереть эту дверь было нормально, когда женщина, которая была предназначена для нас, оставалась абстрактной. Найти её и обнаружить, что ей не нужно то, что нужно мне... то, что нужно нам... разочарование будет огромным и всепоглощающим.

— Не потому, что я не хочу. Потому что я никогда не находила никого другого, кому бы это нравилось...

— А если бы ты это сделала? — я поворачиваюсь к ней лицом, и в моих глазах горит такой огонь, что она вздрагивает. Во мне всё мрачно и напряжено, и это рвётся наружу.

С такого близкого расстояния Маша кажется крошечной, хотя она выше среднего роста и скорее фигуристая, чем миниатюрная. Я чувствую себя таким огромным, таким могущественным рядом с ней. Это опьяняет.

— Если бы я... — она замолкает, словно на пороге чего-то важного. Это не просто случайный разговор о том, что было бы, если бы. В её выражении лица есть что-то нетерпеливое. — Я бы хотела попробовать.

Моя грудь вздымается и опускается, моему телу нужно больше кислорода, чтобы переварить то, что она сказала.

Румянец, разливающийся по её щекам, восхитителен. Я сжимаю руки в кулаки, пытаюсь сохранить самообладание. Я изголодавшийся мужчина, которому предлагают самую аппетитную еду на всю жизнь.

Она делает шаг назад, реагируя на мой безумный взгляд, который я не могу скрыть.

Я смотрю на свои руки и заставляю их разжаться. Я пытаюсь взять себя в руки, прогоняя спокойствие через своё напряжённое тело. Я слишком близок к тому, чтобы выпустить зверя внутри себя из клетки.

— Тебе не следует так говорить. Ты не понимаешь, что говоришь, — шепчу я умоляюще.

«Может быть, — отвечает она. — Может быть, я глупая женщина с глупыми чувствами. Или, может быть, я такая же, как ты. Такая же, кто хочет большего, кому нужно больше. А, может быть, это вообще нормально».

Её возбуждение наполняет воздух ароматом самых сладких духов, таким притягательным, что я вдыхаю его, пока у меня не закружилась голова. Её учащённое сердцебиение совпадает с моим, когда оно бьётся в два раза быстрее. Меня охватывает облегчение, смешанное с дрожью неуверенности.

Подобное искушение слишком восхитительно.

В сказках подобные искушения ведут только в одном направлении. Златовласка не смогла устоять перед тайной домика в лесу. Она не смогла удержаться от того, чтобы не попробовать всю кашу и не посидеть на всех стульях. Она забралась на все кровати, забыв об опасности, которой могла подвергнуться. Она поддалась искушению, как камень, катящийся с горы.

Мария понятия не имеет, во что ввязывается, не знает, что её ждёт.

Если она действительно хочет осуществить эту фантазию, я должен, по крайней мере, что-то ей сказать. Я не могу позволить ей идти вперёд вслепую.

— Дело не только во мне, — хрипло говорю я, и на мгновение она кажется растерянной. — Это касается Ивана и Харольда тоже. У моих братьев... такие же... желания.

«Им нравятся одни и те же вещи?»

Я киваю и делаю глубокий вдох. — И мы... предлагаем... комплексное решение.

«Комплексное предложение? Подождите. Это что значит?» — она в недоумении смотрит на меня.

МАРИЯ

Мне требуется несколько секунд, чтобы осознать, что только что сказал Роберт. Три? В комплекте?

Три мистера Борна по цене одного. Серьёзно, что он обо мне думает?

Да, у меня есть фантазии, выходящие за рамки нормы. Возможно, я также была бы не против воплотить эти фантазии за пределами любовных отношений. Можете меня осуждать сколько угодно. Но трое мужчин?

И их не трое. Бёрны — большие парни. Очень большие парни. Если они такие же крупные, как и остальные, то это примерно пять или шесть обычных мужчин.

Моя киска непроизвольно сжимается, и я качаю головой. Меня возбуждает эта мысль? Чёрт! Кажется, да.

Ноздри Роберта раздуваются, и он глубоко вдыхает.

В попытке занять себя чем-нибудь, я беру печенье с тарелки и откусываю кусок. Мне нужно немного сахара, потому что у меня кружится голова.

— Вы всегда проводите время вместе? — спрашиваю я, не успев проглотить печенье.

На лице Роберта появляется задумчивое выражение. Возможно, он не рассматривал возможность провести со мной время наедине. Я имею в виду, что вся эта затея кажется странной.

— Что, если это будет только между нами, один раз? — говорю я, словно отчаявшаяся. Если это так, то я действительно в отчаянии. Я облизываю губы. Так ли чувствовала себя Златовласка, когда увидела всю эту кашу? От одной мысли об этом у меня текут слюнки.

— Возможно, — говорит Роберт. — Могу я позвонить тебе позже?

Я киваю, потому что больше ничего не могу сделать. Я в его власти, и мне это нравится.

Когда он уходит, не говоря ни слова, я чувствую себя растерянной. Когда дверь со щелчком закрывается, я прислоняюсь к стойке, чтобы прийти в себя. Неужели всё это действительно произошло со мной?

Я не узнаю себя. Я старалась сильнее, чем когда-либо прежде.

Лови момент. Так говорил мой отец, хотя он, конечно, никогда не имел в виду ничего подобного.

Я смотрю на аккуратно наложенную повязку и обработанные порезы. Прикосновения Роберта были нежными. Он приложил ладонь к моей коже, и моё сердце затрепетало, как мотылёк. Когда я увидела его на коленях передо мной, мне показалось, что я срубила могучий дуб.

У меня кружится голова, и это не из-за того, что я убегала от медведей. Это из-за Роберта и его обаяния.

Прежде чем приступить к инвентаризации, я запираю дверь на засов. Я не хочу, чтобы меня застали врасплох, пока я нахожусь на складе, и любой, кому нужны мои услуги, может позвонить в колокольчик. Это чудо, что я вообще могу сосредоточиться, когда по моему телу носятся гормоны. Мне так жарко и больно между ног, что я едва сдерживаюсь, чтобы не прикоснуться к себе.

Отказ от удовольствия — это неотъемлемая часть моей натуры. Надеюсь, Роберту это также близко.

Я уже дома, и тут звонит мой телефон. Я радуюсь, что больше не нужно озираться по сторонам в поисках медведей или маньяков. Я молюсь, чтобы это был Роберт, и надеюсь, что он звонит, чтобы дать мне ответ, которого я так жажду. И это действительно Роберт.

— Надеюсь, ты придёшь сегодня вечером, — говорит он бархатым голосом.

— Сегодня вечером? Я немного удивлена, но очень взволнована. Сейчас восемь часов вечера, и я уже в пижаме.

— Да, хотя бы один раз.

Кажется, я приняла решение.

— Я скоро приеду, — говорю я, и Роберт отвечает так, что у меня мурашки бегут по коже.

Я буду тебя ждать!

Уважаемые читатели, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора!

Часть 4

Я уже дома, когда звонит мой телефон, и я радуюсь, что мне больше не нужно озираться по сторонам в поисках опасностей. Я молюсь, чтобы это был Роберт, и надеюсь, что это он звонит, чтобы дать мне ответ, который я так жажду услышать.

И это действительно Роберт.

— Ты придёшь сегодня вечером? — говорит он бархатным голосом.

— Сегодня вечером? — я немного удивлена и очень взволнована. Сейчас восемь вечера, и я уже в пижаме.

— Да, но мне нужна твоя помощь!

Думаю, тогда я наконец приняла решение.

— Я скоро приеду, — говорю я, и Роберт отвечает так, что у меня намокают трусики.

— Хорошая девочка, — бормочет он своим хриплым голосом и вешает трубку.

О боже. Я в ужасе и восторге, счастлива и полна трепета. Это может стать лучшим опытом в моей жизни, это то, чего мне не хватало с тех пор, как у меня появилось сексуальное влечение. Или это может быть ужасно. Это может оказаться не похоже на фантазии, которые я придумала в своей голове. Есть в этом и большой элемент опасности, и я готова всё это принять, даже если это глупо и крайне рискованно.

Я должна рискнуть, ибо нет ничего хуже, чем никогда не попробовать и не узнать, каково это на самом деле.

Воображать, но не испытывать — это проклятие. Я не хочу сожалеть об этом в холодные одинокие ночи будущего. Поэтому я делаю то, что сделала бы любая женщина, охваченная страстью. Я сажусь в машину и еду в тёмный, загадочный особняк в глухом и мрачном лесу, отчаянно желая ощутить вкус мужчины, от которого у меня мурашки бегут по спине, а между ног становится влажно.

В доме Борна темно, как и в ту ночь, когда я приехала, думая только о работе. Теперь я размышляю обо всём, что увидела, и обо всём, что мне предстоит увидеть. Чудо, что я не промокла насквозь, потому что идёт дождь.

Да, я снова надела комбинезон поверх атласного пижамного комплекта. Это проще, чем выбрать что-то впечатляющее. Я хочу, чтобы Роберт представил, что у меня под бесформенной рабочей одеждой. Я хочу, чтобы у него потекли слюнки от желания и предвкушения увидеть меня обнажённой.

Моё сердце бьётся втрое быстрее, пока я жду у двери, когда он откроет. По крайней мере, я надеюсь, что он откроет. Что, если к двери подойдёт Гарольд?

Но меня встречает Роберт, одетый в мягкий тёмно-коричневый свитер и джинсы, с ещё влажными после душа волосами и щетиной на лице, которая выглядит чертовски сексуально.

— Ты приехала очень быстро, — говорит он, пропуская меня внутрь и поспешно закрывая за мной большую тяжёлую дверь. Она с грохотом запирается, словно подчёркивая моё появление. То ли он нетерпелив, то ли просто взволнован. Я не могу понять, что именно. Моё тело охватывает жар, который словно исходит из самых глубин.

— Не хочешь выпить? — спрашивает он, как любезный хозяин.

— Конечно, — отвечаю я. — У тебя есть что-нибудь покрепче? Я имею в виду алкоголь, но в данных обстоятельствах я густо краснею из-за двойного смысла сказанного.

Он встречается со мной взглядом, и его губы дёргаются. Я подозреваю, что он хотел бы ответить грубой шуткой, но он слишком воспитан.

— Виски, — говорит он. — Или красное вино, если виски для тебя слишком крепкий.

Мне нравится жёстко, хочу я прошептать. Я бы хотела опуститься на колени и показать ему, как сильно мне это нравится.
“ Виски было бы неплохо.Неразбавленное.

 Роберт наливает две порции виски в два хрустальных бокала, похожих на антикварные. Я жду, пока он протянет мне мой, и залпом выпиваю. Чёрт, обжигает всё горло, но это приятно. — Ещё? — спрашиваю я, и Роберт удивленно кивает.

В этом человеке по-прежнему ощущается стоическое спокойствие, хотя, вероятно, он испытывает восторг от мысли о предстоящем вечере. Я делаю глоток из бокала, и алкоголь начинает затуманивать мой разум. Возможно, я смогла бы дойти до конца, но мне не хватает смелости сделать последние шаги.

— А где твои братья? — спрашиваю я. — Они здесь?

— Нет. Ивану нужно было кое-что сделать. Он взял с собой Харольда.

«Итак, мы одни».

«Да».

Мы смотрим друг на друга, и я не отвожу взгляд так долго, как только могу выдержать его интенсивность.

— Ты хочешь подняться наверх?

У меня перехватывает дыхание, когда он облизывает губы. Я так близко. Так близко, что мне кажется, будто я могу рухнуть под тяжестью эмоций. Я не могу вымолвить ни слова, чтобы сказать ему «да», и он ищет на моём лице признаки того, что я передумала. Он беспокоится, что это слишком. Он боится, что я просто подыгрывала ему, и теперь, когда мы близки, я не смогу довести дело до конца. Смог бы он справиться с разочарованием? Я знаю, что не смогла бы.

Меня накрывает волна нежности к этому мужчине, который так рискует ради меня. Я протягиваю руку и беру его за руку, потрясённая её теплом. Он практически горит. Его взгляд опускается на наши соединённые руки, и он обхватывает мои пальцы своими.

 «Я готова».

 Мимолётная улыбка и глубокий вдох показывают мне, что он чувствует. Затем он ведёт меня наверх.

 Комната освещена тусклыми лампами, стоящими на двух столиках в противоположных углах. Здесь тепло от настоящего огня, горящего в великолепном богато украшенном камине, над которым возвышаются изящные свечи в высоких бронзовых подсвечниках. Пока я оглядываюсь по сторонам, Роберт закрывает за нами дверь и запирает её.

 О, этот звук. Поворот ключа. Лязг металла о металл.

 Я дрожу, несмотря на жару в комнате.

Когда я оборачиваюсь, Роберт кажется каким-то особенно большим: плечи шире, грудь шире, а большие руки висят по бокам, напрягаясь. Он не двигается ко мне, но его взгляд следит за всем. Он вдыхает, слегка раздувая ноздри, и я представляю, что он чувствует мой запах — пьянящую смесь возбуждения, страха и ванильных духов, которыми я сбрызнула себя перед уходом. Я пахну так, что меня хочется съесть.

 Сделает ли он первый шаг?

 Я сомневаюсь в этом.

 Я где-то читала, что в ситуации доминирования и подчинения вся власть принадлежит подчинённому. Мужчинам нравится завоевывать, но хорошие мужчины хотят знать, что их женщина хочет, чтобы ее завоевывали. Меня возбуждает, когда меня подавляют и контролируют. Я должна быть достаточно смелой, чтобы по-настоящему ценить это, когда он берет верх.

 Я медленно подхожу к нему, вдыхая пьянящий аромат его одеколona. Он действительно подготовился ко мне, и это возбуждает. Когда он мыл своё тело, возбуждался ли он, представляя, что собирается сделать со мной позже? Держу пари, что да.

 Роберт смотрит мне в глаза, его челюсть дёргается от напряжения между нами.

 Я провожу пальцем по краю его лица и прикусываю нижнюю губу, ожидая, клюнет ли он на приманку. Он должен захотеть отправиться со мной в незабываемое путешествие.

 — Когда я была здесь в последний раз, до твоего звонка, я ласкал себя, представляя это с тобой.

 Он хватает меня за запястье и крепко сжимает его, раздувая ноздри, подносит мою руку к носу и глубоко вдыхает. Его глаза закрываются, как будто от моего запаха у него закружилась голова. От того, как его большая рука сжимает моё запястье, у меня тоже

кружится голова.

 — Тебе не следует играть со мной, — почти рычит он, глядя на меня с отчаянной надеждой.

 - А я бы не посмела”.

 Он клюёт на наживку. Его свободная рука хватается застёжку-молнию на моём комбинезоне и дёргает её вниз, к промежности, а затем он стягивает с меня комбинезон, и тот кучей трепья лежит у моих ног. Стоя в одном нижнем белье, я чувствую себя уязвимой и одновременно сильной. У меня есть то, чего он очень хочет: возможность позволить ему воплотить свои фантазии, и впервые в жизни я собираюсь поддаться своим страстям. Я так взволнована, что едва могу дышать.

 «Если станет слишком тяжело, ты можешь в любой момент сказать мне, чтобы я остановился. Просто выбери слово, которое не будет неправильно истолковано в этот момент».

 Я говорю первое слово, которое приходит мне в голову. — Каша.

 Роберт коварно улыбается. — С таким именем, как Маша, я должен был догадаться, что ты помешана на сказках. Что ж, то, что произойдёт дальше, не будет похоже ни на одну из прочитанных тобой сказок. Он наклоняется так, что его лицо оказывается всего в нескольких сантиметрах от моего, и наше дыхание смешивается. От того, что он так крепко меня держит, и от его размеров, нависших надо мной, я становлюсь влажной. — Ты помнишь своё обещание? Я киваю. — Хорошо. — Он наклоняется ещё ниже, пока я почти не чувствую его губы на своих.

 Затем его горячий язык облизывает мою верхнюю губу.

 Я чувствую эти ощущения повсюду, от корней волос до клитора, и стону от этого мимолетного прикосновения. Он делает это снова, на этот раз захватывая мою верхнюю губу между своими и нежно посасывая ее. У него вкус виски, и его губы плотно прижимаются к моим. Он целует меня медленными, откровенными движениями языка, крепко удерживая мою голову рукой, зарывшейся в мои волосы, и я хнычу от этой сдержанности. Он медленно отстраняется, его веки отяжелели, а губы увлажнились, затем медленно ведёт меня обратно к кровати.

 “Скажи мне, чего ты хочешь”, - приказывает он.

 Я краснею, не уверенная, что могу внятно сформулировать свои фантазии. Он проводит пальцем по моим разгорячённым щекам. — Всё, что угодно, — шепчет он. — Я сделаю всё. Но я не могу догадываться, милая. Ты должна мне говорить чего ты хочешь.

 Между моих ног набухает клитор, и я делаю глубокий вдох, чтобы собраться с силами и расправить плечи. Я могу это сделать. — Я хочу всего, — признаюсь я, глядя ему в глаза. — Боли, удовольствия, чтобы ты вывел меня из зоны комфорта, заставил умолять, умолять тебя, отказывать мне, а потом дать мне всё.

 Его лицо смягчается, как будто я только что сказала ему, что люблю его. — Я собираюсь воплотить твою фантазию в реальность. — Его глаза темнеют, превращаясь в обсидиановые омуты с порочным блеском. — Ложись на кровать и раздвинь ноги и руки.

 Я делаю, как он велит, вздрагивая, когда моя спина касается прохладных простыней, а металл первой манжеты прижимается к моему запястью. Когда механизм щёлкает, я вздыхаю. Роберт прижимается губами к коже над манжетой и нежно целует.

 Затем он привязывает мою ногу кожаным ремешком. Он старается закрепить его там, где нет пластырей, и я наблюдаю, как его огромные руки ловко справляются с задачей, не спотыкаясь. Он подходит к другому углу и берёт меня за другую ногу, глядя на меня, когда притягивает её к ограничителю. Мне трудно так широко раздвинуть ноги, и он смотрит на меня в ожидании согласия. Когда он убеждается, что я хочу этого так же сильно, как и он, его взгляд опускается на полоску атласа между моих ног. Я чувствую, какая я мокрая. Может быть, он тоже это видит. Эта мысль одновременно и ужасает, и возбуждает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.